

Виктор Глумов

**[СТАЛКЕРЫ ПОНЕВОЛЕ]
ГЛАЗАМИ ЗОНЫ**

Апокалипсис-СТ

Виктор Глумов
Глазами Зоны

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Глумов В.

Глазами Зоны / В. Глумов — «АСТ»,
2017 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-101892-4

В Зоне Влада все знают по прозвищу Лаки, говоря по-русски, Счастливчик. Зона будто бы любит и оберегает его: сводит с нужными людьми, одаривает редкими артефактами, помогает преодолеть опасность. Но за пределами Зоны его везение заканчивается, Лаки совершает оплошность, и жизнь его переворачивается с ног на голову. Чтобы исправить ошибку, ему предстоит пойти в Зону и предать самого себя и все, что он любит. Гиблые места, где теряется связь с реальностью, мало изученные мутанты – не это пугает Лаки, ему предстоит самая трудная битва, битва с самим собой.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-101892-4

© Глумов В., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Глава 1. Счастливчик	6
Глава 2. Лимит везения	17
Глава 3. Неожиданный поворот	23
Глава 4. И снова здравствуй!	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Виктор Глумов

Сталкеры поневоле. Глазами Зоны

© В. Глумов, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие – уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью, подобно фольклору или бродячим сюжетам.

Глава 1. Счастливчик

На войне, хирургическом столе и, пожалуй, в Зоне с любого атеиста слетает шелуха, и из-под лощеной маски с презрительно искривленным ртом выглядывает первобытный человек, скованный темным, глубинным страхом перед неизвестностью и самой смертью. Вдруг это не ветер гуляет в тростнике, а твоя погибель ворочается, трещит стеблями, сминает их, играя опущенными кисточками?

Лаки целился в тростник, и палец подрагивал на спусковом крючке старого доброго АК-47. Прошлой осенью здесь была поляна, усеянная разномастными аномалиями, а теперь, поди ж ты, болото! При том, что аномалии, видимые невооруженным глазом, все до последней оказались «полными». Разряжались они эффектно, взрывались фейерверками, рассыпали снопы искр, выплевывали в небо фонтаны какой-то мути. Лаки смотрел на них восторженно и, предчувствуя, что на поляне будет множество ценных артефактов, шевелил губами – благодарил того неведомого, кто так щедро одарил его!

Тогда он набил контейнеры под завязку, удачно продал арты, выручил кругленькую сумму и купил квартиру, о которой так долго мечтал. Правда, вначале на нее не хватало самой малости, девятисот тысяч, а кредит безработному никто не давал. Пришлось занимать у неофициальных лиц, но больше половины долга он уже вернул, осталось четверста.

Сейчас Лаки беззвучно молился, целясь в тростник. Коварное растение, слишком шумное, никогда не поймешь, есть там кто-то или нет, а если есть, то кто – птица, радиоактивный кабан или упырь? Еще и пульс грохочет в висках, как товарный поезд! Самое худшее, что может скрываться в тростнике, – упырь, если это так, то он уже или где-то близко, например, подкрадывается сзади, или не видит неподвижную жертву и скоро себя выдаст, начнет рыскать вокруг, главное не упустить его, ведь тварь маскируется и становится почти невидимой.

– Цып-цып-цып, – прошептал себе под нос Лаки.

Руку свело судорогой, капля пота скатилась по щеке за шиворот. Похоже, ни упыря, ни даже кабана в тростнике нет – просто ветер, но почему волосы на затылке шевелятся, и невозможно сдвинуться с места? Такое ощущение, что благоволившая ему фортуна отвернулась и устремила взор на кого-то другого. Влад по прозвищу Лаки, по-русски говоря, Счастливчик, догадывался, что в мире царит равновесие, и если мироздание щедро наделило везением, то возьмет чем-то другим. Ощущение было, что со дня на день сосуд иссякнет, и начнется обратный процесс.

Цыпа или не спешила покидать убежище, или же ее попросту там не было. Лаки крутанулся вокруг своей оси, готовый дать очередь по упырю, но сзади никого не оказалось, да и из тростника никто не бросился на него. Но переводить дыхание он не спешил, уж слишком осязаемым было предчувствие опасности; попятился назад, поводя стволом из стороны в сторону, развернулся прыжком, рванул к накренившейся сосне, стоящей особняком на замшелой кочке. Нога провалилась в грязь, и в «берце» захлюпало. Лаки выругался, осадил себя, напомним, что Зона не любит спешки, сел, не выпуская автомат.

Неизбежность скорой беды немного отступила, но все равно ощущалась как враг, затаившийся до удобного случая. Лаки был уверен, что Зона зачем-то бережет его и предупреждает об опасности, не дает расслабляться. Значит ли это, что беда ждет его ввне?

Только не Юля! Пусть мироздание берет кого угодно, что угодно, да хоть его почку или глаз, но только не ее! Тревога проклятая донимает, позвонить бы ей, убедиться, что все в порядке, но связи здесь, в Зоне, нет, а до Периметра сутки ходу.

Расшнуровывать ботинок и менять носок Лаки не стал, поковылял прочь от заросшей тростником поляны по собственным следам, едва различимым на покрытой мхом земле, – так все же безопаснее, не нужно бросать гайки с разноцветными матерчатыми хвостами –

он уже выявил и разрядил все аномалии на пути. Чем дальше Лаки уходил от поляны, тем больше трезвел и, в конце концов, решил, что его зацепило пси-искажением, прислушался к ощущениям: предчувствие беды притупилось, но не исчезло вовсе. Лаки передернул плечами, опустил ствол, поставил АК на предохранитель, перекинул через плечо, выхватил из кобуры малышку-«беретту».

Наверное, над тростником висела «психичка». Если «физику» помогали выявить гайки, «химию» или «био» обычно видно невооруженным глазом, то с «психичкой» у Лаки отношения не складывались. Как заметить, что в сознание проникло чужое, если его душевное состояние напоминает зигзаг энцефалограммы даже тогда, когда он находится в полной безопасности? Да, возле «психичек» стихает живность, но она и без видимого повода может умолкнуть, да, комаров нет... Лаки прихлопнул на лбу кровопийцу, посмотрел на его останки на ладони и сказал сам себе:

– Будем считать, что тебе, Влад, опять подфартило, а тебе, – он соскоблил комара, – не очень.

Если «психички» задевают несильно, то обычно отпускает в течение получаса – так говорят все, кто с ними сталкивался. Лаки отстегнул от пояса ПДА, засек время: минут пять он идет по сосняку, перебирается с кочки на кочку, значит, терпеть тревогу еще три раза по столько. Надо же, как зацепило! Он потряс головой и, наконец, переключил внимание с внутреннего мира на внешний.

Сосняк поредел, и путь преградила вырубка, где молодые осины переплелись ветвями с колючими кустами малины так тесно, что на танке не проедешь. За вырубкой простиралась березовая роща. Белоствольные деревья покачивали золотистыми, под цвет заката, листьями; на небе, наливающимся синевой, паслось кудрявое облако.

– Очей очарованье, – проворчал Лаки, сплюнул под ноги и потопал в обход завала, поглядывая по сторонам.

Нельзя терять бдительность: береженого бог бережет, не береженого смерть стережет. Как ни старайся, засветло до Периметра не добраться и Юле не позвонить...

Лаки, успокойся, а то трясешься непонятно над чем... Что Юльке угрожает за Периметром, в недрах мегаполиса?

Лаки представил город: светящиеся бусы фонарей, ленты дорог, светофоры с замершими перед ними машинами, коробочки домов, где едят, пьют, ссорятся, влюбляются и ничем не рискуют миллионы людей, их охраняют...

...Полицейские огораживают периметр, отгоняют любопытных, ведущих видеосъемку. Груда обгоревшего металла – машина, въехавшая в остановку, – обугленные тела, синяя сумка и белая рука тянется из-под простыни. Яркий браслет порвался, и бусины рассыпались – красное на черном... Юлькин любимый браслет!

...Полицейские накрывают простыней тело, кладут его к другим телам, склоняются над застреленным бородатым террористом, который так и не отпустил автомат, и даже смерть не разгладила на его лице гримасу ненависти...

Город вдруг представился ему многоголовым монстром, жаждущим крови, ненасытной, все переваривающей утробой. Там нельзя быть в безопасности, это иллюзия!

Лаки тряхнул головой, глянул на ПДА: двадцать минут прошло, пора бы уже прийти в норму. Или угораздило вляпаться в долгоиграющую аномалию? Или такую, что со временем прогрессирует, и самое веселое впереди?

Воображение нарисовало, как он спасается от несуществующей опасности, несется по Зоне, влетает в аномалию, и его с хрустом сминает в комок...

Похоже, просто так от паранойи не избавиться, придется применить простенький, но действенный арт – «мозговой слизень», он мгновенно из башки дурные мысли вышибает! Правда, есть у него огромный недостаток – зрение «плывет», начинает адски болеть голова,

и может кровь носом хлынуть. Если невоготу станет, надо будет найти убежище, залечь там до утра и потерпеть. Лучше, конечно, к людям прибиться, пусть проследят, чтоб совсем ум за разум не зашел.

Эту местность, Дачи, Лаки знал как свои пять пальцев: семь километров от Периметра, поросшие кустарником поля, болотца, сосновые и березовые рощи. Аномалии самые обычные, из опасной живности – псы и кабаны, упыри – редкость, норушники обосновались в покинутых дачах, далеко оттуда не отходят – все просто и предсказуемо, одним словом, хожено-перехожено. До ближайшего укрытия от выброса три километра, до военного поста – пять, людей тут довольно много, так что если повезет, можно будет к кому-нибудь при-мкнуть.

Он покосился на щетинистую полосу соснового пролеска, подсвеченную кроваво-красным солнцем, пожалел, что не уйдет отсюда засветло, и побрел в сторону укрытия.

Чем ближе к Периметру, тем больше следов жизнедеятельности человека: окурки, обертки, вот белый целлофановый пакет трепещет на сухом стебле, будто флаг капитуляции. Солнце уже скрылось за холмами, нарумянив и запад, и восток за компанию.

Лаки выбрался на раскрошившуюся асфальтовую дорогу, сверился с картой, прошел метров триста и свернул на запад. До укрытия осталось с полкилометра – всего ничего, но по Зоне быстро не походишь. Шаг, гайка – вперед, повторить траекторию ее полета и снова бросить гайку. Вон туда, где возле куста шиповника трава подозрительно примята, лучше не идти, взять левее, ближе к осинам. Третья гайка замерла над пожухлой травой, заискрилась, вспыхнула, разбрасывая в стороны искры. Трава загорелась, огонь пополз к малиннику, где понемногу угас. Волосы встали дыбом, спина взмокла, Лаки отметил, что реагирует, как желторотый юнец, он даже в свой первый выход в Зону так не боялся.

«Электра», ничего удивительного, а вот на ее месте может появиться интересный арт, и пренебрегать им не следует, нужно хоть немного заработать и напомнить о себе Брюту, что-де не забыл я про долг, просто пока на мели. Лаки швырнул вторую гайку над выгоревшей поляной, хотя понимал, что разрядившейся аномалии бояться смешно, но ничего не мог поделать с поселившимся в разуме червяком сомнений. Убедился, что все в порядке, включил фонарь и принялся шарить в пепле, но аномалия была пустой.

Пообещав себе не отвлекаться на мелочи, Лаки ускорил шаг. Если медлить, ночь застанет в лесу, а тогда даже везение не поможет.

Укрытия – глубокие подвалы с бетонными стенами – делали военные, когда пытались познать Зону, чтоб было, где ночевать и прятаться от выбросов. Выбросы зарождались в сердце Зоны, а ближе к Периметру слабели – такие подвалы вполне справлялись со своей задачей.

Лаки переступил ржавую проволоку, направил фонарь на вросшую в пригорок бурую стальную дверь, вставил ключ в замочную скважину, но тот не провернулся. Приплыли, кто-то заперся изнутри на щеколду. Прежний Лаки ухмыльнулся бы и мысленно предложил Зоне поиграть, а теперешний паникер сполз спиной по сосновому стволу и принялся шарить по карманам – искать успокоительное.

А вдруг там охотники за оружием или какие-то отморозки... Тьфу, позорище! Ругая себя забористо и многоэтажно, Лаки постучал, припал ухом к металлу и крикнул:

– Бродяги, открывайте! Пустите переночевать!

Ему ответила тишина.

Сволочи, неужели бросят на улице? В сердцах он пнул дверь промокшей ногой, зашипел и пообещал себе, что если выживет, утром подкараулит этих крыс и...

– Кто?! – грянуло из убежища. Лаки отлетел на метр от двери, еще раз выругался.

– Мать вашу, чего подкрадываться?

За дверью хмыкнули:

– Ну, прости, бродяга. Если штаны не запачкал, то впусти. И когда представишься, а то мало ли.

Зачесались кулаки, но Лаки стерпел, назвал себя. Кладнула щеколда, приоткрылась дверь, и из подвала дохнуло сыростью. Лаки посветил фонариком в лицо незнакомому сталкеру, оккупировавшему убежище, тот вскинул руку, защищая глаза. Что, не нравится? На вот тебе еще!

– Убери фонарь, обидчивый ты наш, – проговорил незнакомец примирительно. – Я – Дым, нас внутри трое.

Лаки шагнул в освободившийся проход, сталкер захлопнул дверь, запер ее на щеколду.

– Ты извини, Дым, но я вроде вляпался в какую-то дрянь... Всех подозреваю теперь, жду беду. Надо мне подлечиться, поваляться овощем, пострадать.

– Не вопрос, – донеслось из-за спины.

Крутая лестница привела в прямоугольное помещение, похожее на многоместный гроб с нарами вдоль стен, только у входа их не было. На самой дальней нижней полке кто-то спал, укрывшись спальником с головой. Поближе к выходу патлатый блондин орудовал складным ножом над продуктами, наваленными на пакет, расстеленный на полу, – ноздри защекотал аромат копченого мяса и чеснока.

Парень вскинул голову, пятерней зачесал растрепанные волосы... Точнее, зачесала. Это была девушка – на вид ровесница, лет двадцати пяти. Скуластая, глаза темные, волосы светлые, как и у Лаки. Фонарь на гвоздике, вбитом в верхнюю полку, покачивался, и на ее лице то вытягивались, то укорачивались тени. Вздернутый нос, губки бантиком, глаза с прищуром, лукавые...

Лаки встретился с ней взглядом и потупился. Нет, не лукавые, это иллюзия – цепкие, как крючья. И у Дыма такие же. Дым присел рядом с девушкой, и теперь Лаки удалось разглядеть его получше – узкое лицо, правильные черты, брови с изломом, девкам такой типаж обычно нравится. И в выправке что-то такое... военное, что ли.

Девушка поколебалась немного, шагнула навстречу и протянула руку:

– Меня зовут Кузя.

– Ага, слышал. Я – Лаки.

Рука у нее была шершавая, пальцы сильные, как у мужчины.

– И мы слышали. Ну, я так точно, а ты, Дым?

Дым неторопливо обошел помещение, уселся на нары справа, оперся спиной о стену, спрятав голову в тень от верхней полки, к которой крепился фонарь.

– Это ты, что ли, фартовый парень? – спросил он.

– Подозреваю, что слухи о моей везучести малость преувеличены, – Лаки опустился на нижнюю полку, что слева от двери, с подозрением покосился на Дыма, перевел взгляд на третьего члена команды, укрытого с головой; отчего-то казалось, что добра от этой троицы ждать не следует, и он положил автомат на колени.

Кузя нырнула в затененный угол – вжикнула молния, зашелестел пакет. Лаки сгруппировался, боковым зрением наблюдая за неподвижным Дымом, казалось, что тот замер перед решающим прыжком, сейчас девчонка выхватит дробовик и...

Девушка прошествовала на свое место с буханкой хлеба в руках, нарезала его крупными ломтями и принялась за колбасу. Рот наполнился слюной, в животе будто проснулся ненасытный монстр, заворочался и зарычал так громко, что Кузя первым делом предложила бутерброд Лаки. Он кивнул, вгрызся в него, даже не вникая, с чем он. Сыр, копченое сальце с чесноком, хлеб черный бородинский – вкуснотища! Проглотив бутерброд, Лаки вытащил из кармана флягу с портвейном, сделал глоток и зажмурился от удовольствия.

– А жизнь-то налаживается, – прогудел Дым.

– Эх, ты, темнота! Не налаживается, а накладывается! – проговорила Кузя.

Они замолчали, и некоторое время доносились лишь звуки пережевываемой пищи. Когда желудочный монстр Лаки снова рыкнул, он уставился на Кузю, которая трапезничала, усевшись на каремат и скрестив ноги по-турецки.

– Кузя, меняю бутер на стакан портвейна! – сказал Лаки и навис над девушкой, побул-кал флягой у нее над головой.

Она молча протянула кусок хлеба с салом, ломтиком помидора и веточкой петрушки.

– Держи, мы не жадные.

Спящий сталкер, о котором Лаки уже забыл, издал душераздирающий стон, ломающимся голосом подростка (они что, ребенка в Зону притащили?!) возмутился:

– Ну, дайте же вы поспать!

Он демонстративно заворочался и натянул спальник так, что спрятал даже волосы. Лаки указал на него пальцем и прошептал:

– Он на запах восстал.

– Ага, – буркнул Дым. – Себр, хорош дрыхнуть! Кушать подано.

– Да вы задолбали! – взвизгнул Себр и дернулся, как креветка в коконе. – Я спать хочу!

– Дым, фиг с ним, нам больше достанется, – Кузя подмигнула нависшему над ней Лаки и повертела пластиковым стаканчиком.

– Не вопрос, – дернул плечами Лаки и наполнил стакан портвейном почти на две трети. – Настоящий, белый крымский, семь лет выдержки.

– Эх, не повезло мне, не разбираюсь в винах, – вздохнула Кузя, отхлебнула небольшой глоток. – Дым, а ты?

– Пить пью, а чтобы разбираться – не очень, – Дым расстелил свой каремат, сел возле Кузи, похлопал рядом с собой. – Лаки, присаживайся, что ты как засватанный.

Кузя просканировала Лаки взглядом, свела брови у переносицы и выдала:

– Ты потерпи, это у всех так, – она повертела пальцами у лица, подбирая слово. – Мне казалось, что за мной следят, Дыму, вон, друг погибший мерещился, Себру...

– Как же вы задолбали! – возопил Себр, чиркнул молнией спальника и явил себя миру.

Это был сухопарый брюнетик с острой бородкой на треугольном личике, заплетенной в косичку, короткими усиками и неимоверной шевелюрой, состоящей из дредов и прядей, украшенных бисером. Наверное, когда-то у Себра были роскошные волосы... Сейчас же не покрытая растительностью часть его лица смотрелась как пестик черной астры. Себр поднялся – он едва доставал Лаки до шеи – протопал мимо, демонстративно его не замечая, сел на корточки за импровизированным столом, выхватил у Кузи стакан и осушил его залпом. Потом понюхал его, крикнул и, наконец, удостоил Лаки взглядом, тот укоризненно покачал головой:

– Эх ты, перевел благородный напиток.

– А как еще успокаивать нервную систему? – проворчал парень, нахохлился и воздел перст. – Знаете, почему маленькие собачки такие злые? Потому что концентрированные!

Лаки оставил реплику без внимания и обратился к Кузе:

– Ты говорила, что вас всех накрыло... Где это произошло?

– Возле Периметра, – ответил Дым. – Отошли на пару километров, и началось. Чем дальше вглубь, тем явней глюки.

Лаки тоже сел на корточки у «стола», поближе к еде, взял бутерброд с сыром.

– Я был дальше, меня больше зацепило.

Кузя тряхнула головой, забрала у Себра стаканчик и протянула его Лаки, пришлось снова делиться портвейном и допивать остаток, чтоб последнее не отобрали.

Девушка обхватила стакан с вином ладонями, повернулась к Себру спиной, к Дыму лицом, а к Лаки в профиль и сказала:

– Ничего странного. У нее, у Зоны, такое случается. Как бы... настрой меняется, что ли, и каждый раз по-разному.

– Да ладно! – вскинул брови Себр. – Ты ж не пила толком, а уже такое несешь!

– Женщина женщину всегда поймет, – проговорила Кузя.

Интересно, это она серьезно или шутит? Лаки раньше не встречал этих людей и не знал их привычек, но мысль, что у Зоны меняется настроение, его заинтересовала, он и сам нечто подобное замечал, но не мог сформулировать смутные догадки. Лаки придвинулся к Кузе, облизнул губы и постарался сказать так, чтобы его слова напоминали шутку:

– Хочешь сказать, что Зона – женщина, и сейчас у нее... кхм... те самые дни?

– А что, не похоже? Тоже всякие циклы, выбросы, там... Это мы так сердимся на кого-то. Непредсказуемость, изменчивость и в то же время постоянство.

Девушка предложила недопитый стакан Дыму, тот мотнул головой – видимо, не хотел лишать ее удовольствия. Даже в зеленоватом свете фонаря было видно, как она покраснела, глаза ее заблестели. А если Кузя права?..

Дым вытащил из нагрудного кармана чекушку дешевой водки, налил полстакана Себру, тот выпил без промедления, крикнул, заел огурцом. Лаки от выпивки отказался. Когда он садился к чужому столу, то не поделился с приютившими его людьми своими припасами, потому что тогда даже не вспомнил про них, а теперь заворочалась совесть. Дым, вон, бормотухой перебивается, когда у Лаки в рюкзаке – «Джэк Дэниэлз», да не какая-то бурда местного разлива, а породистый виски, американский.

Но он отлично знал свою главную слабость: стоило выпить пятьдесят граммов чего бы то ни было, и душа его разворачивалась, начинала переть из тела, как тесто из миски, все женщины превращались в гурий, мужики – в братьев, хотелось одарить всех, и чтоб никто не ушел обиженным. Лаки уже выпил немного портвейна, и мысленно устремился к виски, но не чтоб напиться, а чтоб поделиться прекрасным с попутчиками. Ведь он в запертом подвале, в обществе суровых сталкеров, а значит, возможность расправить крылья и начудить стремилась к нулю – зачем себя сдерживать?

Поднявшись с пола и размяв затекшие ноги, он вытащил из рюкзака кусок вяленой говядины, овечьего сыра, пучок петрушки и тандырную лепешку, когда покупал ее у узбечки на рынке, лепешка была еще горячей. Он положил лакомства на общий стол и сказал:

– Вы простите, но с головой совсем худо было, паранойя одолела. Вот, только что осе-нило... Угощайтесь.

Он водрузил бутылку на стол, оглядел лица. Дым остался равнодушным, Кузя вскинула бровь, у Себра оказалась очень выразительная мимика, глаза загорелись, он хлопнул в ладоши:

– Опа! Вот это я понимаю, гуляем!

– Ты с утра гуляешь, – буркнул Дым.

Себр обернулся к нему, наморщил лоб так, что дреды чуть поднялись, как поднимается хохолок у растревоженного попугая:

– Мне нужно, я облучился!

У всех в руках тотчас оказались пустые пластиковые стаканчики, которые Лаки без промедления наполнил. Сам он не расставался с серебряной рюмкой-наперстком, где ювелир выгравировал руны удачи, успеха и богатства. Дым, нарезающий лакомства дорожным черным ножом, похожим на клюв хищной птицы, прищурился, рассматривая рюмку, качнул головой и сказал:

– Уверен, что у тебя еще припрятан пармезан или дорблю. И айфон последней модели.

– Не поверишь, пармезан еще утром съел, – парировал Лаки. – А сыр с плесенью не люблю. Ты считаешь меня выпендрёжником?

– Да, – не стал лукавить Дым.

– А ты, Кузя?

Девушка вскинула бровь и честно ответила:

– Мне это ново... Ладно, скажу: я женщина, а любой женщине нравится все красивое, вкусное и блестящее, так что не осуждаю, это точно. Но чтоб все было в разумных пределах.

– Вооот! – Лаки поднял перст и сделал глоток. – Что еще раз подтверждает твою теорию: Зона – женщина, ей тоже все это нравится, поэтому она меня и оберегает, ведь я тут один такой.

Виски растекся по венам, согрел и успокоил. Захотелось говорить, говорить, говорить... И Лаки продолжил:

– Частенько слышу, что мне завидуют, везению моему...

– Да, – подтвердила Кузя. – Я, вот, ни разу ничего не выиграла в лотерею, с артами не везет... Уверена, что халява – такая же сказка, как Дед Мороз, ничего мне не дается легко...

Лаки махнул рукой:

– С тобой все понятно, баба бабе завидует. Но вот ты, Дым... Ну почему вы все притворяетесь бедолагами, пьете всякую дрянь, вечно прибедняетесь... То есть к жизни относитесь скупко, вот и она для вас... жалеет, что ли. Ты ж, Дым, как и все сталкеры, далеко не бедный, один нож твой стоит, как дешевая машина, но и ты туда же! А ведь жизнь, она как бумеранг: ты радуешься, ей с того перепадает, и она тебя одаривает. Скупость – это грех, я щедрый, вот меня Зона и любит, да и сама судьба, она ж тоже баба.

Дым криво усмехнулся:

– Ты не щедрый, а просто с детством не распрощался, кичливость твоя – дешевые понты, пьешь то же говно, платишь за этикетку и гордишься этим, виски твой – на вкус такая же дрянь, как водка, и печень от него так же отваливается, – он поиграл ножом, прищурился. – Нравится?

– Видишь, и тебе человеческое не чуждо, – улыбнулся Лаки. – Дай взглянуть!

Лаки думал, сталкер откажет, но ошибся. Тяжелая вещичка удобно легла в руку. Металл черный, исполнение необычное: лезвие напоминает клюв хищной птицы.

Улыбка Дыма стала шире, теперь он стал похож на сытого удава:

– Знаешь, как я его назвал? Поцелуй Иуды. Его мне подарили друзья перед моей смертью.

– Твоей смертью? – переспросил Себр.

Ага, малыш не знает историю Дыма, значит, он не постоянный член этой команды. Интересно, а Кузя? Спрашивать Лаки не стал.

– Они были уверены, что я умру, – продолжил Дым. – Продали меня и сестренку, Аню, вы ее знаете, на опыты. Помните скандал, когда разгромили натовскую базу, где устроили концлагерь? Так вот, это с моей подачи, ничего не получилось у моих заклятых друзей, зато подарок остался на память о настоящей мужской дружбе.

– С натовцами ясно, – сказал Лаки. – А с иудами что стало?

– Один застрелился, второй сел, – Дым опрокинул стакан в рот. – Спасибо, Лаки, неплохой вискарь, ты прав. Наверное, что-то есть в таком образе жизни, – видимо, алкоголь подействовал, и Дыма потянуло на философию. – Странная вещь человеческий мозг... Как бы это сказать... У людей ноги, чтобы ходить. А тут вдруг, представьте, кто-то говорит, что – это не для него, и начинает ползать. И что мы подумаем? Сбрендил товарищ. С мозгами все иначе: они есть у всех нас и устроены одинаково, но работают у каждого – по-разному. Например, не зная, что человек – профессор математики, наблюдаешь за тем, как он не может, скажем, преодолеть пустяковый страх и при виде безобидного паучка сознание теряет, или коту позволяет гадить где ни попадя – ты смотришь на такого как на идиота. Так ведь?.. А ведь это потому, что у него не работает та часть мозга, что отлично развита у тебя, и наоборот. Это

если просто сказать. Если сложнее – связи между нейронами у него другие, а какие, нам не видно и неведомо. Мы ж судим по себе, поэтому сложно быть терпимыми, особенно мне.

Лаки его рассуждения заставили задуматься.

– Ты прав, Дым! Нужно если уж не уважать, то научиться принимать, не восставать против чужой индивидуальности. Черт, ух ты, а ведь отпустило! Прошла тревожность!

Себр сморщил лоб, прислушался к себе, кивнул своим мыслям и протянул пустой стакан:

– И правда отпустило! – он улыбнулся, сверкнув мелкими белыми зубами. – Отличное пойло. Спасибо тебе... Кстати, как там тебя? Лаки, я не ошибся? Спасибо тебе, Лаки, и тому, кто тебя нам ниспослал.

Алкоголь начал наполнять полутемный подвал яркими красками, и вот уже Себр кажется не недоростком-вонючкой, а стильным мужичком с чувством юмора, Дым – отличным парнем, немного суровым, но как не станешь суровым, когда друзья продали тебя на опыты? Кузя... Лаки скосил глаза на девушку, задумчиво глядящую в полупустой стакан. Кузя так вообще... Не красавица, нет, но девушка вполне приятная, сразу видно, что умная, а не пустышка. Настоящая боевая подруга, он искренне завидовал мужчине, с которым она разделит судьбу, и почему-то даже немного ревновал, такая не только обогреет и приласкает, но и спину прикроет. Даже под мешковатой одеждой видно, что фигура у нее спортивная, попа упругая, талия тоненькая и грудь ничего так...

Лаки потянулся за лепешкой и как бы невзначай коснулся рукой ее плеча, задержался ненадолго, нарочно уронил лепешку. Если не отодвинется, значит, пробежала искра и можно будет воспользоваться ситуацией, иначе... Нахлынула тоска, и из места в душе, где родилась приятная фантазия, потянуло холодом, сыростью, стало бесприютно, пусто...

Кузя пододвинулась к Дыму, положила руку ему на плечо, тот потерялся щекой об ее рукав. Упс, они, оказывается, пара! Хорошо, он ничего не заметил.

Наваждение схлынуло, и Лаки ощутил себя дураком. Секунду назад он совершенно искренне воспылал страстью к малознакомой, не очень красивой и уже не слишком молодой девушке, когда дома его ждет Юля, которую он любит по-настоящему даже когда трезвый... Но мимолетный порыв тоже был настоящим.

А все потому, Лаки, что ты дуреешь от алкоголя, и пить тебе категорически нельзя, ты на пустом месте способен нагородить огород и начудить так, что будешь себя клясть, когда протрезвеешь. Но как себе отказать в удовольствии, если только под мухой ты чувствуешь себя настоящим?

Лаки еще раз посмотрел на девушку, которая никогда не станет его, и, чтобы утешиться, вспомнил Юлю, сравнил ее с Кузей, и мир сразу же посветлел. Юля – лучшая, она мудрая, несмотря на то, что красивая. У нее пепельные волосы, которые шелком струятся сквозь пальцы, глазища цвета меда, высокие скулы с едва заметными полосками румянца, нанесенного самой природой, чувственные губы; россыпь веснушек на тонком носике, словно высеченном рукой искуснейшего мастера, придают кукольному Юлиному лицу... Приземленность, что ли.

К ней хочется прикасаться, согревать дыханием ее тонкие вечно мерзнущие пальцы. Лаки шумно сглотнул слюну. Поразительно, он едва закрыл дверь квартиры, отправляясь в Зону, как уже начал скучать по Юле. И вот сто граммов виски, и он готов волочиться за первой подвернувшейся юбкой. Как тебе не стыдно, Лаки!

Стыдно ли? Он прислушался к голосу совести – молчит, спит беспробудным сном, а храп ее складывается в мелодию песни: «Есть одна любовь, та, что здесь и сейчас, есть другая, та, что всегда. Есть вода, которую пьют, чтобы жить, есть живая вода»¹.

¹ Песня группы «Наутилус Помпилиус».

– Эх, гитару бы, – мечтательно протянул он, укладываясь на нары.

– Щас споешь? – осведомился Себр, наливая себе виски, оставленный на пакете, заменяющем стол.

– Ага.

Похоже, у коротышки в желудке портал, и спиртное через него переправляется в параллельную вселенную – он совершенно не опьянел, хотя выпил ударную для своей комплекции дозу, аж стало жалко виски, Себр ведь переводит продукт!

Душа жаждала продолжения банкета, общения и гитары, но Лаки заставил себя встать и вытащить из рюкзака спальник. Устроившись на лежанке, он повернулся лицом к стене и закрыл глаза. Его душа некоторое время протестовала, хлопала расправленными крыльями и ломилась за «стол», где Дым отчитывал молодого напарника за жадность и невоздержанность. Потом Себр совершенно трезвым голосом завел рассказ о приключениях на Байк-шоу (малыш, похоже, любит мотоциклы) – как его друг Кардан познакомился с девушкой Наташей и затащил ее палатку. А Наташа с мужем была, тот каким-то чудом ее вычислил, вломился в палатку в самый неподходящий момент и принялся размахивать травматом – рогоносец оказался то ли полицаем, то ли военным. Девка – в одну сторону, Кардан – в драку, подпрыгнули друзья Кардана, набежали те, кто был с этим Вадимом, и получился бой стенка на стенку, а Себр взял простыню и отправился ловить голую девку.

В голове Лаки развернулась батальная сцена: бойцы Кардана заблестели латами, их противники были в кожаном одеянии и на коротконогих лошадях, а над полем боя летала обнаженная дева, которую Себр с ногами сатира пытался поймать белой простыней.

Проснулся Лаки от истерического возгласа:

– Сволочи! Дайте мне поспать! Рррр, когда ж я сдохну!

Вчерашний вечер канул в Лету и воспринимался теперь как нечто далекое и незначительное. Лаки уже не тревожился о своей судьбе, переживания о Юле больше не изводили его, но остался неприятный осадок. Выпростав руки из спального мешка, он потянулся, окинул взглядом помещение. Дверь на поверхность распахнули, и сверху просачивался сероватый свет. В середине подвала, за «столом», Дым в полной амуниции что-то жевал, сидя на корточках и опершись спиной об огромный рюкзак. В темном углу копошилась Кузя, Себр свесил ноги с полки и недобро оглядывался.

Пожелав всем доброго утра, Лаки встал, вытащил из рюкзака бутылку воды и отправился на улицу умываться.

Похоже, бабье лето закончилось, в густом тумане было не разобрать времени суток, то ли раннее утро, то ли уже полдень. Небольшая паутина с нанизанными каплями росы напоминала жемчужную брошь, кем-то прицепленную к кусту шиповника.

Когда он спустился в подвал за вещами, все готовились покидать убежище, лохматый Себр, возмущаясь себе под нос, запихивал спальник в рюкзак. Из темноты выплыл Дым с наполовину недопитой бутылкой вискаря, протянул ее Лаки:

– Спасибо тебе. Было приятно познакомиться и интересно пообщаться с живой легендой.

Лаки не умел принимать комплименты, он потупился, улыбнулся:

– Да ладно! Уверен, что мы еще встретимся.

– Земля круглая, а Зона маленькая, – проговорила Кузя, встав между ним и Дымом. Лаки протянул ей виски:

– Не вздумай отказываться. Будешь пить понемногу и меня вспоминать, – он подмигнул девушке. – Ты расцветаешь, когда расслабляешься. Алкоголь тебя расслабляет, да!

Кузя сунула бутылку под мышку, улыбнулась, пятерней зачесала растрепанные пшеничные волосы.

– Спасибо!

Пожала протянутую руку, ее ладонь была теплой и шершавой, и зашагала по лестнице наверх, за ней последовал Дым; Себр тоже пожал руку, кивнул:

– Встретимся еще!

– «И оба сошли где-то под Таганрогом среди бескрайних полей...», – тихонько пропел Лаки, мысленно подыграл себе на гитаре. – «...и каждый пошел своею дорогой...»², а Лаки пошел своей.

На ПДА было начало девятого, обычно Лаки просыпался в десять-одиннадцать, но в Зоне перестраивался. Запрокинув голову, он посмотрел в серое небо и улыбнулся ему. Паранойка отпустила, все закончилось хорошо, если не брать в расчет порожняковый поход за артами: нашел несколько безделиц, тысяч на десять в общей сложности, а Брюту нужно отдать как минимум тридцать, и сделать это надо было еще четыре дня назад! И у Юльки день рождения. Ладно, не беда, с Брютом можно договориться, тысяч пять у кого-нибудь занять и купить Юле кольцо. Не самое шикарное, конечно, но она должна понять! Ну и, конечно, на вечер в клубе надо раскошелиться. Хоть возвращайся обратно и набивай рюкзак мелочовкой!

Но день рождения – завтра, если на него не успеть, то Юлька точно не простит, Лаки ведь пообещал, что до этого времени вернется. Будь что будет, не готов он оставаться в Зоне, вчерашний день здорово подпортил психику, до сих пор аукается. Значит, надо шагать к Периметру.

Лаки запустил руку в подсумок и достал пригоршню гаек с разноцветными матерчатыми хвостами. Ну, Зона-матушка, пора в путь!

К вечеру Лаки рассчитывал добраться домой.

Туман понемногу рассеивался, и над черной линией леса плыло далекое холодное солнце. Сырость пробирала до костей, зябли руки, мерз нос, да еще и ботинок забыл вчера просушить...

Запахло влажной землей – наверное, где-то рядом кабаны рылись, – и Лаки снял автомат с предохранителя. Кабан – опасная и живучая тварь, выдерживает прямое попадание в лоб, валить его надо, стреляя в шею или глаза. А если их целое стадо?.. Лаки замер, прислушиваясь. Шелестел ветер подсохшей листвой, на одной ноте стонала болотная птица, что-то охало – далеко и неопасно. Слишком тихо для кабанов, значит, их тут нет, но есть что-то другое, не менее опасное – уж очень запах необычный.

Лаки вышел из леса на просеку и остолбенел: перед ним зияла черная проплешина метров двадцати в диаметре, на которой чередовались выгоревшие участки с участками вздыбленной земли, перемешанной с выкорчеванными кустами и молодыми деревцами. Видимо, тут была сдвоенная аномалия, она разрядилась как-то странно, изуродовав почву. А если аномалия сработала, значит, кто-то в нее угодил.

Ага, вот и... оно. Лаки бросил гайку в обгорелый комок с переломанными костями, торчащими во все стороны, и она откатилась в сторону невредимой – значит, аномалия все еще разряжена. Интересно, кому не повезло, сталкеру или зверю? Так сразу и не скажешь, уж слишком тело растарантило. Лаки поморщился, представляя, как бедолагу скрутило, как затрещали кости...

Черт, нет, не зверь – вон подсумок валяется на рыхлой земле, припорошенный пеплом; остальной скарб, наверное, засыпало. Осторожно, на цыпочках, Лаки ступил на обгорелую почву, прикладом притянул к себе подсумок, открыл его: визитки, пара тысячных купюр, о, а вот и паспорт в коричневой кожаной обложке с золоченым двуглавым орлом. В него вложены водительские права на имя Семена Андреевича Скакуна. Год рождения тысяча девятьсот девяносто третий. Жалко парнишку, совсем молодой... С фотографии в паспорте

² Песня группы «Машина времени».

недоверчиво взирал рыжий юноша, похожий на насупившуюся морскую свинку: скуластый, носатый, с глазками-бусинами и непропорционально крупными губами. Куда ж ты, дурень, полез?

Вздыхнув, Лаки сунул паспорт паренька в один из нагрудных карманов камуфляжной куртки и собрался уже уходить, как выглянуло солнце, и в пепле что-то блеснуло. Арт!

Лаки коршуном спикировал на добычу, схватил оплавленный кристалл – розовый, внутри опалесцирующий синим, – и поспешно спрятал его в контейнер. Этот арт был ему незнаком и мог нести опасность. Вспомнился недавний разговор с Дымом о концлагере. Легально опытным путем влияние артефактов на организм ученые проверяли только на мышах, но такие данные не были точными. Эксперименты на людях проводить запрещено, но всегда найдутся те, кому под силу обойти закон, ведь гораздо надежнее практиковаться на приговоренных зэках или на тех, кого не будут искать.

Отойдя подальше от места, где погиб человек, Лаки перевел дыхание – ему становилось не по себе после каждой встречи с чужой смертью, а когда она так ужасна – и подавно. По сути, этот паренек, Сема Скаун, отдал жизнь, чтобы Лаки достался редкий артефакт, возможно, очень ценный. Не все редкие арты ценны, но все ценные редки, так что есть шанс выгодно продать находку, вернуть часть долга Брюту и купить Юле кольцо с бриллиантом.

Как выяснилось уже за Периметром, артефакт назывался «глушак». Он гасил радиосигналы в радиусе ста метров, встречался крайне редко, до сих пор никто не знал, что за аномалия его рождает, в одном сходились мнения знатоков: «глушак» появлялся только тогда, когда кто-то погибал мучительной смертью. Осознание того, что в этом кристалле томится душа покойного, не давало Лаки покоя, и он поспешил избавиться от артефакта, продав его по цене ниже рыночной: не за пятьдесят пять тысяч, а за сорок – все равно арт, считай, на голову упал. Всегда бы так везло! Спасибо тебе, Зона-матушка! Теперь есть чем с Брютом рассчитываться, и десятка на Юлин день рождения останется!

Глава 2. Лимит везения

Вырученные сорок тысяч грели сквозь ткань камуфлированной куртки, и Лаки улыбался, тарабанил по рулю старенького «баяна». И хрен с ней, с пробкой – Носовиха³, она такая, только к четырем утра пробки рассасываются, – до заветного двора оставалось два с половиной километра. Автомобили в очередной раз чуть продвинулись, и микроавтобус, ехавший впереди, свернул направо, оставив Лаки ползти вслед за груженым КамАЗом, который, трогаясь, выпускал из трубы черный дым, будто гигантская каракатица. Поморщившись, Лаки пропел: «Прямо передо мной огромная попа КамАЗа, я парю в облаках, в облаках выхлопного газа»⁴.

Сейчас бы чашечку кофе, одной рукой Юльку обнять, второй – гитару, вискарика выпить... Нет, портвейна, в баре осталась еще одна бутылка. Эх, хорошо! Жизнь удалась!

Еще раз Лаки набрал Юлю, и снова услышал: «Аппарат абонента выключен». Наверное, забыла зарядить мобильный, заработалась – она иногда слишком увлекалась 3D рисунками, да и проектировать ей нравилось.

К своему району он добрался через полчаса – раньше, чем рассчитывал. Не удержался, включил аварийку и метнулся к кофейному аппарату, купил двойной кофе и побежал к перекрывшей дорогу машине, стараясь не расплескать напиток.

Дальше ехал мимо панельных многоэтажек... Кстати, сколько там этажей? Никогда не заморачивался этим. «Однушку» он купил в двадцатисемизэтажном новом доме, построенном в форме буквы «П». Три месяца назад въехал – и уже «хоум свит хоум». Он обогнул старенькую трансформаторную подстанцию, и салон автомобиля наполнился ароматом свежего овсяного печенья – недавно на соседней улице открылся кондитерский цех. Еще поворот, и вот шлагбаум при въезде во двор – чтобы всякие-разные не понаехали.

На месте, где Лаки обычно парковался, стоял зеленый, пучеглазый, похожий на жабу «Фиат Мультипла», пришлось ехать дальше и оставлять машину возле «горбатого» «Запорожца», который долговязый хозяин купил вместо конструктора. Забавно наблюдать из окна, как двухметровый лоб залазит внутрь и начинает что-то там крутить.

Обитал Лаки в четвертом подъезде на последнем, двадцать седьмом, этаже. Он положил карточку к домофону, улыбнулся мрачному, похожему на Брежнева, вахтеру, зашел в подъезд и юркнул в лифт, еще пахнущий ремонтом.

Лаки распахнул дверь квартиры, крикнул, одновременно сбрасывая обувь:

– Юля, я дома!

Никто не отозвался, и затихший червячок тревоги снова зашевелился.

– Спишь, что ли? – спросил он уже тише.

Юля уходила в спешке – не прибрала, ее джинсы и мятая футболка валялись на незастеленной кровати, на столе возле потухшего монитора – набросок коттеджа. Опаздывала на встречу с заказчиком? Вполне возможно, но почему молчит ее телефон?

Лаки вытащил из кармана айфон последней модели: эсэмэски, что абонент снова на связи, не пришло, но он все равно набрал Юлю – безрезультатно, конечно. Выругался, допил ее остывший кофе, доел полумесяц бутерброда с сыром. Что за дурная привычка – не доедать?

А что, если Зона знала, что с Юлей случится беда, и пыталась предупредить? Бутерброд застрял поперек горла, представилось бледное лицо любимой, и глаза ее были закрыты... Темно. Какая-то подворотня, вдалеке на последнем издыхании светит фонарь.

³ Народное название Носовихинского шоссе.

⁴ Слова из песни Семена Слепакова «Песня доброго москвича».

Ее пытались ограбить, ударили по голове и переусердствовали. А может, ее мучили всю ночь? Лаки скрипнул зубами и принялся мерить шагами комнату. Вдруг ей еще можно помочь? Надо спешить! Он бросился к вешалке, выругался. Куда бежать? Он ничем не поможет, и от осознания этого на душе сделалось еще гадостнее. Здравый смысл попискивал, что она просто-напросто забыла зарядить гаджет, но его голос тонул в мутной волне паники, поднимающейся из подсознания. Лаки так разволновался, что даже забыл о своей мечте принять горячий душ.

Подошла Юлькина кошка Дымка, потерлась о ногу, и Лаки с трудом подавил желание пнуть ее – животное-то ни при чем. И правда, надо освежиться, тогда есть шанс, что отпустит.

После ванной легче не стало. Воображение подсовывало картинки одну ужаснее другой, Лаки готов был биться головой о стену. Он заставил себя одеться, сесть за компьютер, вдохнуть-выдохнуть и попытаться проанализировать ситуацию.

– И чего тебя так накрыло? – спросил он свое всклокоченное отражение в мониторе и ответил писклявым голосом:

– Ты же знаешь, что просто так даже кошки не родятся, если на душе тревожно, значит, на то есть причина.

– Совершенно верно, – согласился с собой Лаки, почесал загривок Дымки, прыгнувшей на колени. – Но почему ты уверен, что причина вовне, а не в твой буйной башке? Выпей бром, и все пройдет.

– Лучше вспомни, сколько раз интуиция спасала тебя!

– Тьфу ты, логика у тебя железная, женская... Даже кошка, вон, убежала...

Он замолчал, когда услышал щелчок ключа в замочной скважине. Вот же Дымка, почувствовала хозяйку, пошла ее встречать! Захотелось тоже выбежать в коридор, но Лаки остановил себя – несолидно это.

– Девочка моя, – проворковала Юля, Дымка ответила ей жалобным мявом. – Влад, ты уже дома? – в голосе проскользнуло удивление.

Сердце трепыхнулось и затаилось. Вжикнула молния куртки, и румяная, довольная Юля переступила порог комнаты, поставила в угол пакет и, виляя бедрами, подошла к Лаки.

– Владька, что у тебя с лицом?

– У тебя телефон, что, выключен? – спросил он, устыдившись приступа паники. Как бабка, ей-богу, ожидающая внуку с первого свидания.

– Ой, да. Новый купила, показать?

– А со старым что?

Старый телефон был на самом деле новым айфоном, подарком Лаки, таким же, как у него самого, последней модели, только месяц как вышла, потому Юля потупилась и прикусила губу, глянула исподлобья.

– Он был в заднем кармане джинсов... В общем... Утонул и не включается.

– В унитазе? – серьезно поинтересовался Лаки, но уголки рта невольно поползли вверх, и он расхохотался.

– Не смейся! – топнула она. – Жалко! Твой подарок все-таки.

Лаки все не мог уgomониться, только успокаивался, представлял, как дорогая вещь с характерным бульком идет на дно, и снова складывался пополам от смеха.

– Хоть... Ох, Юля... Хоть до или после?

– До! – возмутилась она. – Я его вытащила и просушила феном, но он все равно не включается.

Лаки встал, сгреб девушку в объятия и зарылся лицом в ее пахнущие фиалкой волосы, она принялась поглаживать его по спине ладонями.

– Если бы ты знала, как я рад, что все именно так! Мне два дня казалось, что с тобой случилась беда.

– Почему? – промурлыкала она, укусила за ухо.

– Помнишь, я говорил, что Зона меня любит? Такое чувство, что она пытается предупредить о чем-то нехорошем.

Юлины руки, гуляющие по его пояснице, на миг остановились – девушка словно оцепенела, а потом оттаяла, но отстранилась.

– Ты чего? – улыбнулся Лаки. – Ты ведь никогда не верила во все эти байки! Все хорошо! Или нет? Юля?!

Глянула исподлобья, кивнула:

– Конечно.

– Ты уже спланировала завтрашний день?

– Нет, хотела обсудить с тобой. С девчонками буду отмечать послезавтра.

Нервозность обстановки улетучилась, ведь если она решила провести свой день рождения с ним, а не с родней и не с подругами, значит он для нее действительно важен! Да, он нравился женщинам, но Юля – не просто женщина, она – само совершенство, девушке с такими данными место в многомиллионном особняке и за рулем «бентли», а она проводит время в его скромной «однушке»! Неужели любит? Похоже на то. За что ему такое счастье?

Юля села на кровать, поджав правую ногу, Лаки рухнул рядом, взял ее руки в свои, заглянул в глаза цвета меда. Нет, все еще не верится, что мироздание послало ему такую девушку – любящую, заботливую, красивую!

– Заказывай подарок, – проговорил он, уверенный, что Юля отлично знает о его долгах и не попросит бриллиантовое кольцо или машину.

– Для начала расскажи, удачно ли ты сходил в Зону.

Лаки самодовольно улыбнулся:

– Думал, пустой вернусь, даже бензин не окуплю, но под конец повезло.

Юля убрала за ухо пепельный локон, кивнула:

– Хорошо, но долги...

Лаки махнул рукой:

– Пусть это тебя не волнует!

Хотелось завоевать для нее весь мир, положить к ее ногам несметные сокровища. В такие моменты Лаки казалось, что он нечто большее, чем просто человек, возможности которого ограничены бранным телом.

– У меня все есть. Разве что вечер в баре послезавтра... Рассчитываю потратить пять-семь тысяч.

– Не вопрос! – Лаки похлопал себя по карманам, метнулся в прихожую, вытащил две пятитысячные и протянул Юле; поколебавшись пару секунд, она взяла деньги.

– Спасибо.

Вроде бы осталась довольной, но Лаки собой был недоволен категорически. Что это за подарок любимой девушке? Они что, двадцать лет женаты и настолько измотаны, что в их жизни не осталось места сюрпризам? И снова душе сделалось тесно, Лаки притянул Юлю к себе, положил одну руку ей на затылок, а вторую на грудь, и время перестало существовать.

Страсть вышвырнула его из реальности в другой мир, полный блаженства, где все правила были – его, но рано или поздно нужно возвращаться.

Довольная, раскрасневшаяся Юля шурилась на солнечный луч, лежащий на ее лице золотой полоской, ресницы подрагивали, ноздри трепетали. Лаки провел пальцем по ее губам, и она легонько сжала его зубами. На столике стояла початая бутылка портвейна, штопор валялся на полу, и даже бокалов не было.

– Ты – совершенство, – проговорил Лаки, потянулся к портвейну и сделал несколько глотков из горлышка.

Юля села на него сверху, забрала бутылку:

– Не пей, а то чудить начнешь.

– Не начну, – пообещал Лаки. – Так хорошо, что аж жить хочется! Поехали куда-нибудь – в кино, на каток... Не знаешь, есть ли какой концерт?

– Нет, – задумчиво качнула головой Юля, ее волосы свесились на грудь Лаки. – Лучше спой мне что-нибудь... Вообще-то странный ты, – она хлебнула вино. – Современный, продвинутый, а музыку слушаешь старинную... Ну, из прошлого века.

– Слушаю я все, кроме блатняка, но разве споешь транс? Душа-то петь хочет, спасибо отцу, земля ему пухом, научил играть на гитаре. Если тебе не нравятся мои песни, зачем просишь сыграть?

– Кое-что мне нравится. Но еще больше нравится смотреть на тебя вдохновенного.

Лаки еще немного выпил, подождал, когда душа расправит крылья, оделся – в квартире было холодно, отопление еще не включили, – расчехлил старенький «Гибсон», настроил, посмотрел на Юлю: она закуталась в одеяло и взирала как-то странно. Он ударил по струнам:

Ты ушла рано утром,
Чуть позже шести...⁵

– Да-да-да, эта мне нравится! – Юля улеглась, подперев голову руками.

Лаки спел одну песню, потом – еще романтическую из репертуара «Наутилуса» – «Я хочу быть с тобой», потом ему сделалось скучно, и он исполнил «Дикого мужчину»⁶ – Юлька расхохоталась.

Портвейн закончился, захотелось продолжения банкета, Лаки предложил Юле одеться и поехать развлекаться. Сопrotивлялась она недолго, и спустя полчаса они сидели на заднем сиденье такси.

Сначала были коктейли в любимом баре Лаки с названием «Обираловка», потом он повез Юлю в торговый центр, где заметил, что она с тоской поглядывает на ювелирные витрины, выставленные между проходами. К тому моменту он ощущал себя как минимум богом местного масштаба, а разве может бог позволить своей избраннице печалиться?

На предложение выбрать что-нибудь ко дню рождения Юля демонстративно отвернулась от витрин, но Лаки настоял, и она присмотрела скромное колечко с фианитом за восемь тысяч, чуть ли не самое дешевое.

– Выбирай то, что действительно нравится, – настаивал Лаки.

– Влад, – проговорила она серьезно, заглянула в глаза. – Не надо, у нас будут проблемы.

– Не переживай, – он ткнул пальцем в набор из сережек в форме лилий на тонких цепочках и изящной цепи, увенчанной кулоном – такой же лилией. – Смотри, какая красота!

Глаза Юльки загорелись.

– Тогда лучше вот этих кошек с глазами-изумрудами, – она постучала ногтем напротив сережек. – Стоят столько же, только мне больше нравятся.

Продавщица, тоненькая девочка в коротком синем платье, оживилась, защебетала, рассыпалась комплиментами, вытащила украшение, протянула Юле, которая вопросительно поглядывала на Лаки, не веря своему счастью, а в ее глазах вспыхивали искры. Довольный собой, Лаки сунул руку в карман, чтобы достать деньги и расплатиться, но вспомнил, что

⁵ Группа «Чиж и К.», песня «Ты ушла рано утром».

⁶ Песня группы «Ленинград».

десятку отдал Юле. На покупку не хватало пяти тысяч, но у него при себе карточка, а там шесть-семь тысяч должно быть.

Обнимая счастливую Юлю за талию, Лаки сунул карту в терминал, ввел код.

– Давайте положу серьги в коробочку! – предложила продавщица и протянула ладонь, но Юля не спешила возвращать ей украшение, словно сказка может закончиться, в конце концов, вернула серьги, повисла у Лаки на шее и расцеловала его.

Разве такие мгновения не стоят каких-то бумажек? Никогда Лаки не понимал скупердяев, жить надо со вкусом, лучше пусть будет стыдно за бесцельно прожитые годы, чем обидно. Как и все сталкеры, он ходил под Зоной, и его жизнь в любую минуту могла обрваться.

Время остановилось и свернулось вокруг влюбленных коконом. Юлин смех, улыбка, поцелуи и признания... «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!..» Прохожие оборачивались, улыбались, девчонки смотрели на Юлю с завистью, женщина с выбритыми висками показала «класс», сверкнув серебряным кольцом на большом пальце.

Если ты можешь сделать сказку былью хотя бы для одного человека, значит, ты как минимум волшебник, а когда ты даришь радость другим, тебе возвращается сторицей.

Потом они пили кофе в уютной кофейне, и Лаки грелся теплом сияющих глаз Юли. Когда за окнами стемнело, они выбежали на улицу и пошли вдоль кленовой аллеи, держась за руки. Вдалеке еле слышно гудела автострада, изредка тишину нарушал шелест шин проезжающих машин и тихие всхлипы листьев, срывающихся в лужи.

Лаки вздохнул, как он счастлив, а когда прижимал Юлю к себе, просыпалось ощущение нереальности происходящего, он до сих пор не мог отделаться от мысли, что стоит отвернуться, и Юля растворится в тумане. Потому он боялся отпустить ее руку, снова и снова обнимал девушку, смахивал с пепельных волос мельчайшие капли тумана, гладил точеный носик с россыпью веснушек, и они целовались на скамейках, как подростки.

Когда пошел дождь, Лаки вызвал такси и отдал последние наличные. В лифте Юля сама набросилась на него; не расплетая объятий, они ворвались в квартиру, захлопнули дверь, упали на кровать и уснули лишь под утро.

Всю ночь Лаки снилось, что они с любимой спасаются от лесного пожара, дымом пахло так отчетливо, что он чихнул, проснулся и увидел какого-то мужика, склонившегося над спящей Юлей. От неожиданности шарахнулся, вскочил, чтобы метнуться к тумбочке, где он прятал «беретту», но получил под дых от второго амбала. Дыхание перехватило, в глазах потемнело, и он распластался на полу. Сквозь звон в ушах прорвался отчаянный Юлин крик, и впервые Лаки возрадовался, что в квартире холодно, и они перед сном оделись, иначе он бы сейчас корчился совершенно голый.

По мере того как утихала боль, появлялись мысли. Кто эти люди? Как они попали в квартиру? Домушники? Или он, ослепленный счастьем, просто не закрыл дверь?

Снова закричала Юля, Лаки разлепил веки и задохнулся от возмущения: возле двери в комнату бритый наголо «бычок» держал за волосы вырывающуюся девушку, а второй задира подол ее шелковой ночнушки стволом пистолета с глушителем.

– Отпустите ее, – хрипнул Лаки, вставая на четвереньки, но требование прозвучало жалко. – Что вам нужно? Деньги?

Лысый хохотнул и перевел на него взгляд:

– От тебя – ничего, а вот телочка твоя может сделать нам приятно.

Второй «бык» с неоднократно сломанным носом и узловатым шрамом, спускающимся со лба на щеку, прицелился в Лаки, и в этот самый миг за стеной загрохотал перфоратор, ему ответила дрель. Если бандит выстрелит, никто не услышит хлопок.

Какой-то сюр: два вооруженных головореза в его квартире, самой дешевой в доме. Они бесшумно вскрыли дверь, значит, это профи. Что им тут понадобилось?

– Отпустите девушку, и я сделаю все, что хотите: позволю порезать себя на органы, продам душу дьяволу, – он поднялся на ноги, приложил руку к ноющим ребрам, закашлялся и как бы невзначай сделал шаг к тумбочке, что за Юлиным компьютерным столом, между Лаки и налетчиками. Еще несколько шагов, и можно рискнуть, выхватить пистолет.

Только вчера жизнь казалась волшебной сказкой, а теперь превратилась в дикий кошмар. А может, это сон?.. Лаки ущипнул себя за палец – не помогло.

– Руки за голову, лицом к стене, – проговорил коротко стриженный амбал, на время потерявший интерес к Юле.

Лаки вытаращился на него. Обязательно надо что-то придумать, он должен действовать, положиться на удачу – он ведь Лаки, счастливчик то есть. Свободная от мебели стена одна, за столом, тумбочка там же.

Делая вид, что страдает от боли, Лаки поковылял, куда они сказали, прокручивая в голове план действия.

Встав, как велел амбал, Лаки искусственно закашлялся, согнулся, резко открыл ящик, сунул туда руку, но она скользнула по гладкому дереву. Где пистолет?!

– Не беспокойся. То, что ты ищешь, у нас, – проговорили за спиной, и когда Лаки обернулся, получил мощнейший удар в висок.

Глава 3. Неожиданный поворот

От телефонного звонка голова трещала, и казалось, вот-вот лопнет. Лаки сжал виски и зашипел от боли. Ему снился ужасный сон с налетчиками, которые хотели изнасиловать Юлю. Как здорово, что кошмар закончился! Но почему так раскалывается голова? Вчера ведь почти не пили!

Лаки перевернулся на бок и понял, что лежит на полу, тело затекло и болит адски. Значит, бандиты – реальность... Сейчас он откроет глаза и увидит убитую бандитами, мертвую Юлю...

Стиснуть зубы и зажмуриться еще сильнее, зажать уши руками, чтоб не слышать, не знать. Несколько мгновений, длящихся бесконечно долго, он лежал в звенящей тишине. Булькала вода в трубах, у кого-то из соседей работал телевизор, далеко внизу, на улице завизжали тормоза, квакнул клаксон, и донесся зычный, забористый мат.

Вдохнув и выдохнув, Лаки распахнул веки, перевернулся на живот и долго не мог сообразить, почему перед глазами какая-то коричневая муть. Потом понял, что лежит головой к кровати и смотрит под нее. Бежевое покрывало с тигром валялось рядом, на полу. Наверное, он стянул его, когда падал.

– Юль? – прохрипел Лаки, поднимаясь.

Закружилась голова, затошнило, но он перетерпел, встал, придерживаясь за стену. Словно передразнивая его, забулькала вода. Ни за кроватью, ни в темном углу за дверью трупа не оказалось. Лаки проковылял в кухню, распахнул дверь в ванную и даже выглянул на балкон, хотя отлично понимал, что прятать тело там – несусветная глупость.

Куда же делась Юля? Вдруг «быки» убили ее и решили избавиться от трупа? Тогда почему не тронули главного свидетеля, то есть его? Посчитали мертвым? Опять повезло? Сейчас это везение воспринималось как издевка. Оглушенный, растерянный, Лаки сел на кровать, подпер голову рукой, ощупал макушку и скривился, когда пальцы скользнули по запекшейся на затылке крови. Наверное, рассек кожу, когда упал, вон, капли крови на ламинате.

– Что за бред происходит?... – спросил Лаки у пустоты.

Куда бы ни устремлялись его мысли, они упирались в тупик. Кто? Зачем? Где теперь искать Юлю, жива ли она? Еще вчера Судьба улыбалась ему благосклонно, а сегодня осклабилась, показав гнилые зубы. Что же теперь делать?

Если двое амбалов – грабители, то они украли бы айфон, и комп унесли бы, а эти не взяли ничего. Закралась надежда, что Юля что-то от него скрыла, и налетчики пришли именно за ней, причем их не ее тело интересовало. Вспомнился фильм про мужа и жену, которые работали агентами спецслужб и скрывали это друг от друга.

Впервые за лет, наверное, десять, Лаки ощутил полное бессилие, и моральное, и физическое, а это побуждает просить о помощи. Единственный, кто способен помочь в такой ситуации – полиция.

Перекатившись через кровать, Лаки протянул руку к телефону, лежащему на Юлином компьютерном столе. Взгляд остановился на листе формата А-4, где крупными буквами было напечатано: «Ждем тебя в «Гурджи» в 10:30. Если не успеешь, в 15:00. Пожалуйста, без глупостей».

Лаки выдохнул с облегчением: Юля жива! Налетчикам нужна не она, а он, то есть, что-то от него нужно. Он глянул на часы: 10:45. Вскочил, и перед глазами заплескали разноцветные круги, к горлу подкатил ком. Черт, все-таки схлопотал сотрясение мозга.

Так, сосредоточься, не суетись, подумай, кому ты перешел дорогу. В Зоне со всеми дружил, в группировках не состоял, в миру врагов не нажил, кредит не брал... Разве что

у Брюта, к тому же выплату просрочил на пять дней, но это ведь мелочи! Брют сначала на ковер вызвал бы, предупредил. Скорее всего, неизвестные будут требовать выкуп или какой-то ценный артефакт, способный спасти жизнь любимой мамочки. Или дочери. Если так, то можно сказать, все разрешилось благополучно!

Лаки не спешил радоваться, рухнул в крутящееся кожаное кресло, подъехал к компу, «оживил» его, поелозив мышью по коврику, и ввел в поисковик слово «Гурджи», пробормотал себе под нос:

– Осталось выяснить, что это за Джигурда такая.

* * *

Ресторан грузинской кухни «Гурджи» располагался на цокольном этаже длинного семнадцатизэтажного дома. Современные высотки обступали старое здание со всех сторон, отчего оно словно пригибалось к земле и казалось ниже, чем на самом деле, но даже издали было ясно, что у этого дома особый статус, как у почтенного старца, знающего истину. Круглый двор был выложен красно-желтой плиткой, небольшие овальные клумбы алели, желтели, синели осенними цветами, а вдоль тротуаров выстроились нарядные молоденькие березы.

Лаки обогнул шлагбаум и подумал, что неразумно располагать ресторан так, чтобы к нему невозможно было подъехать. Когда он сделал пару шагов, сзади подкатил красный «мерседес», и шлагбаум поднялся – оказалось, он автоматический и реагирует на движение. Но возвращаться к машине, чтоб въехать во двор, Лаки не стал, поймал себя на мысли, что просто оттягивает время, ведь чем ближе он к дому-динозавру, тем громче колотится сердце.

Нижний этаж здания выступал вперед метра на четыре и делился надвое: в первой части был антикварный магазин, во второй, дальней – ресторан.

Дворник в оранжевом жилете метет тротуарную плитку, молодая мать катает туда-сюда коляску с младенцем, три старушки на лавочке что-то активно обсуждают – никого подозрительного. Из «антикварки» вышла пара – счастливо улыбающаяся блондинка модельной внешности в драповом нежно-голубого цвета пальто, с пакетом в руках, и седовласый джентльмен в безупречном серо-синем костюме и красном галстуке. Пара прошествовала к черному двухместному «мерседесу»-кабриолету, стоящему на полупустой парковке между серебристым «кадиллаком» и «ренджровером».

К Лаки вернулось давнее ощущение, что он – оборванец из глухой провинции, и это сразу бросается в глаза окружающим. Мысленно помолившись, он толкнул стеклянную дверь ресторана.

Кивком головы поприветствовав скушающего гардеробщика, Лаки быстро пересек зеркальный вестибюль и очутился в огромном зале, где в розовом мраморном полу отражались хрустальные люстры. Белоснежные стены, шелковые бежевые скатерти, стулья-троны... Как будто ты в Лувре, а не в ресторане грузинской кухни с неблагозвучным для русского уха названием «Гурджи». Здесь кусок в горло не полезет – будет казаться, что поедаете какой-то шедевр стоимостью с несколько миллионов.

Посетителей мало: пожилая пара интеллигентного вида с внучкой лет десяти да трое скромно одетых мужчин. Никто из них не обернулся, никто не заинтересовался Лаки, и он предположил, что похититель Юли еще не пришел.

Будто из-под земли вырос темноволосый, статный метрдотель, и у Лаки опять промелькнула параноидальная мысль о том, что сейчас этот холеный красавец станет разоблачать нищего мальчика из Костромы, который только и мечтает, чтобы уйти, не расплатившись.

– Добрый день! Чем могу быть вам полезным?

– Спасибо, пока ничем, я дождусь моего друга, и тогда мы сделаем заказ.

Распорядитель понимающе кивнул, проводил его к столику и удалился.

Лаки занервничал, заерзал на стуле, включил диктофон на айфоне и спрятал его в карман джинсов. А что если никто не придет? Если он неправильно понял записку? Перепутал время, день, приехал не в тот «Гурджи»...

Лаки отвернулся к окну. Во дворе ресторана появился еще один автомобиль – скромный «Субару Форестер» занял место уехавшего кабриолета.

– У вас свободно? – раздалось над головой Лаки, он вздрогнул от неожиданности и обернулся.

Брют собственной персоной, довольный как слон, покачивается с пятки на носок, улыбается – угол рта справа приподнят, слева – по обыкновению неподвижен; то ли Брют в свое время получил по голове, и половину лица парализовало, то ли это результат болезни. Как обычно выбритый до синевы, расфуфыренный и надушенный. Лаки до сих пор не мог понять, Брют красится в черный или не поседел в свой полтинник с небольшим.

Не дождавшись разрешения, Брют сел, закинул ногу за ногу. Едва он поднял руку, ослепительно сверкнув запонкой на рукаве белоснежной рубашки, как официант спикировал к столу.

– Так это ты?.. – пробормотал ошарашенный Лаки.

– Ну а кто же? – улыбнулся Брют, сверкнув золотым зубом. – Конечно я, – он посмотрел на официанта и сделал заказ: – Мне, пожалуйста, баранью ножку, этот ваш пастуший рецепт. На гарнир – овощи, да побольше болгарского перца и зелени. Сырную тарелку и лаваш. Лаки, ты что будешь? Не стесняйся, я плачу.

Весь его вид говорил: «Заказывай, знаю ведь, что ты на мели». Лаки уже оправился от первого шока и в нем начала закипать злость. Он осклабился:

– Мне запеченную семгу с лимоном. Суши с икрой. С красной и черной. И еще кролика, пожалуйста, тушенного в белом вине со сливками... – наткнувшись на недобрый взгляд Брюта, довольно продолжил: – На десерт двойную порцию чизкейка и кофе этот, – он покрутил пальцами у лица. – От волшебных зверушек.

– Извините, но кофе лювак сейчас нет.

Лаки театрально развел руками:

– Какая жалость! А я его так люблю!

Брют смотрел на него, как рыбак – на червяка, зажатого между пальцами, прикидывал, как лучше насадить на крючок, и жалкий бунт Лаки для него был не более чем конвульсиями обреченного. Когда официант отправился исполнять заказ, Брют подался вперед, опершись на локти.

– На твоём месте я бы не паясничал, – в его голосе лязгал металл.

Лаки тоже подался вперед.

– Если с головы Юли упадет хоть один волос...

– То что? – Брют откинулся на спинку стула. – Что ты сделаешь?! Сотрешь меня с лица Земли? Скажешь, что записываешь наш разговор, и накатаешь заявку в полицию?

Откуда он знает про диктофон? Лаки боковым зрением заметил, что внучка пожилой пары раздраженно трясет телефон и ругается. Брют продолжил:

– Вчера ты сбыл задешево очень ценный и редкий арт. Он лежит у меня в кармане, и сейчас в радиусе десяти метров у всех вырубилась электроника. Упадет ли волос твоей Юли или упадет вся ее голова, зависит от тебя.

Лаки сообразил, что перегнул палку, и решил попытаться договориться по-хорошему:

– Брют, я не могу понять, из-за чего все это? – он развел руками. – Ты же знаешь, что я отдам тебе деньги! Мы же цивилизованные люди, мне еще жить в этом городе, я себе не враг. Назначь день, и я верну тебе эти тридцать штук... Нет, не тридцать, а пятьдесят, ладно,

семьдесят... Хорошо, сто! Чего ты так смотришь? Договорились же по тридцать каждый месяц, я и платил, и не по тридцать, а по пятьдесят. Так когда? Назначь день.

Брют вскинул левую бровь и уставился на Лаки. О, как же хотелось съездить по его надменной роже!

– Ты совершенно прав, – снизошел Брют. – Мы договаривались, ты договор нарушил, а за свои слова серьезные люди обычно отвечают. Иначе...

Лаки сжал кулаки, заставил себя успокоиться и продолжил:

– Я правильно понял, что из-за пятидневной просрочки ты выкрал человека? Зачем? Что я, без всей этой дикости не понял бы?!

Брют покачал головой, вынул бархатный портсигар, достал из него сигару, понюхал ее.

– Может, и понял бы. Но к новому году купил бы любимой машину. Или шубу. А мне пришлось бы за тобой бегать, чтоб получить свои деньги, потому что ты – свистун, – он скривился. – Ох, тяжело тебе на зоне пришлось бы. Не там, куда ты за хабаром ходишь, а там, где сидят и где принято отвечать за базар. Один свистун сказал, что способен три дня без остановки в нарды играть – и пришлось ему играть, иначе уже не свистел бы, а кукарекал. Нужду справлял под себя, не ел, не пил, но за базар ответил, три дня продержался, зато больше не свистел.

Он что же, знает по подарок Юле и потому взбеленился? Следит, скотина?

– Если бы моя дочь начала с тобой встречаться, твой труп нашли бы в канаве. Ты еще скажи, что хабара не было и ты на мели. Вместо того чтобы выполнять обязательства, ты тратишься на шлюх.

– Она не шлюха...

– Заткнись! – Брют хлопнул ладонью по столу.

Подошел официант, начал раскладывать приборы. Лаки смотрел, как порхали его руки, и думал. Говорили же, что взять денег у Брюта – хуже, чем в банке, он бывший сиделец, а у них там, на зоне, свои правила, и мелочи возводятся в культ. Он слышал, что выражение «сведи за метлой» пошло именно из тюрьмы, но не придавал этому значения, а зря. Возмущенный разум все еще кипел, но пробудился здравый смысл и вылил на голову ушат холодной воды. Итак, что мы имеем? Просрочку выплаты и оскорбленного криминального авторитета, для которого уговор дороже денег, причем Брют знает, что деньги были, и потрачены они, на его взгляд, бездарно. Ситуация хреновая, но могло быть и хуже.

Лаки подождал, пока официант уйдет, и спросил:

– Я все понял, какие твои условия?

Брют наигранно зааплодировал:

– Ну надо же! Не просто свистун, а еще и тормоз! Дошло, наконец, что нужно поинтересоваться своей судьбой.

Лаки пропустил его реплику мимо ушей.

– Я хочу знать твои условия. Что ты поставил меня на счетчик – понятно. Сколько я должен отдать, и в какие сроки?

Брют сказал ласково:

– Лаки, голубчик, между нами такая бездна, что тебе правильнее обращаться ко мне на «вы», но я спишу это на дурные привычки из Зоны, где все люди братья, как Каин и Авель. Деньги ты мне, конечно, отдашь. Условия остаются прежними. Но помимо этого ты сделаешь мне одно одолжение.

Руки враз опустились. Именно так действуют вербовщики спецслужб и мафиози: вынуждают человека себя скомпрометировать и сажают на крючок.

– Сначала будет одно одолжение, потом – второе, третье? – спросил Лаки.

– Нет, одно-единственное, – скривился Брют. – Даю слово.

– Ага, а когда придет время платить по счетам, меня внезапно обворуют, и снова я буду тебе должен?

– Такого не произойдет, обещаю. Да и сейчас тебя никто не обокрал, ты, будучи в здравом уме, потратил мои деньги на девчонку. Да, она хорошенькая, но ты ведь не желторотый юнец, а вполне уже взрослый мужчина, и такое поведение характеризует тебя как человека ненадежного. Честно, мне плевать и на тебя, и на нее, у меня есть собственный интерес, и только ты способен мне помочь.

– Что я должен сделать?

– Никого не придется убивать и грабить, не волнуйся. Нужно будет отыскать в Зоне одного человека, женщину, и вывести ее за Периметр. При этом тебе будут помогать мои люди.

Лаки потряс головой, уставился на Брюта:

– Предлагаешь мне совершить похищение? Но я ведь неблагонадежный и, как бы это сказать, ни разу не Шварценеггер.

– Всю грязную работу проделают мои ребята, от тебя требуется найти ее и доставить в определенное место, все подробности – позже.

Лаки представил, как тащит связанную женщину, похожую на солдата Джейн, как та сопротивляется, и ему захотелось застрелиться.

– А если я не соглашусь?

– Тогда я воспользуюсь твоей красавицей, потом отдам ее своим ребятам, а когда они наиграются, ее найдут... Нет, не найдут. Так уж и быть, вас закопают рядом, но перед этим ты напишешь дарственную на квартиру на мое имя, точнее, долговую расписку. Если уверен, что ничего не подпишешь, то, скорее всего, ошибаешься. Вижу, тебе себя не жалко, но девочку-то... Она ж по твоей дурости угодила в переплет. Не таращись так, ее никто не изнасиловал и даже ни разу не ударил, но все может измениться.

Пока официант кружил вокруг стола с подносом и расставлял яства, Лаки лихорадочно соображал. Если по простым человеческим законам, то Брют – преступник: налетчик и похититель. А если «по понятиям», то он прав – Лаки не выполнил уговор и должен понести наказание или заслужить помилование.

– Ну, бабушка! – все никак не унималась девочка за столиком в другой стороне зала и трясла своим розовым мобильником. – Дед, ну хоть ты посмотри, почему он не работает?!

Пожилая стройная женщина с пучком седых волос, похожая на балерину на пенсии, наклонилась и что-то прошептала внучке, та дернулась, сложила руки на груди и вытянула ноги, всем своим видом демонстрируя высочайшую степень обиды.

– Выкладывай сейчас подробности, – проговорил Лаки, поднимая железную крышку-купол, накрывающую кролика, и с трудом подавил рвотный позыв.

– Нет уж, давай сначала отобедаем, ты, видимо, здорово оголодал, раз столько заказал. Ну же, приятного аппетита!

– Чтоб ты сдох, – пробурчал Лаки, зыркнув на Брюта исподлобья.

– Это проклятие исполнится в любом случае. Что в тебе хорошего – ты открытый и без дерьма, потому даже жаль, что ты такая бестолочь. Уж извини, но я с тобой, как с сыном.

– Ага, вытащил девушку из постели сына, избил его до потери сознания...

– В воспитательных целях, почему бы и нет.

– И почему мой сын такая тряпка, – сказал Лаки, копируя интонации Брюта.

Видимо, попал по больному месту – тот помрачнел, пожевал губами, но смолчал, без аппетита приступил к трапезе. Лаки хотел добавить про дочь Брюта, но вспомнил притчу про воробья «попал в дерьмо – не чирикай». Он поковырял кролика, но кусок в горло не полез. Одно в этой ситуации радует: Брют – хозяин слова и сдержит его, надо только поподробней обговорить детали.

После всего случившегося Юля его, конечно же, бросит. Сердце защемило. Вспомнился вчерашний волшебный вечер, потом ночной налет, как уже утром представлял ее мертвой... Выходит, потерять ее больнее, чем похоронить?

Брют насытился, промокнул губы салфеткой, вытащил из внутреннего кармана пиджака сложенную вчетверо ксерокопию паспорта, развернул, разгладил на столе ладонью.

– Ее зовут Яна Кузьмакова, мне она нужна целой и желательно невредимой. Тебе она, скорее всего, известна по какому-то прозвищу.

Лаки придвинул к себе цветную и довольно удачную ксерокопию: худенькая, скуластая, светловолосая девочка с короткой стрижкой. Глаза то ли зеленые, то ли светло-карие... А может быть, и серые, не большие и не маленькие, нос прямой среднего размера, губы не пухлые, но и не тонкие, правильной формы. Если бы Лаки задался целью создать портрет незапоминающегося человека, он выбрал бы эту Яну.

Кузьмакова... Кузя? Та самая Кузя, что была с Дымом и Себром? Она светловолосая и вроде бы похожа на девочку с фотографии.

– Есть фото посвежее? На этом ей всего четырнадцать, сейчас она на десять лет старше и наверняка изменилась – могла перекраситься, растолстеть, накачать губы, – Лаки перевернул ксерокс – на обратной стороне листа было место постоянной регистрации. – Поселок в Калужской области. По этому адресу вы, конечно, ходили, и что там?

– Зона там.

Лаки как раз пил минералку и аж поперхнулся.

– То есть эта девушка выжила после того, как возникла Зона?!

– Это не доказано.

– Что выжила, не доказано?

– Что на момент возникновения Зоны девушка там была.

– А эта Яна, она вообще существует?

– Да, это точно. Как и то, что она большую часть времени проводит в Зоне.

Лаки тяжело вздохнул, оперся о спинку стула. Хорошо, если это Кузя, а если нет?... Известно, как изменилась личность девушки, если во время катаклизма она была у себя дома. Скорее всего, она уже и не человек вовсе... Или же, что более вероятно, приобрела какие-то заинтересовавшие Брюта качества. Личность Яны так увлекла Лаки, что он ненадолго забыл о своих проблемах.

– Чем больше я буду знать о ней, тем проще мне будет ее найти, – Лаки перевел взгляд с фотографии на Брюта. – У тебя есть свои люди в Зоне. Уверен, что эту девчонку уже искали опытные сталкеры. А я... Ты же знаешь, что я все больше по периферии брожу.

– Ты не так глуп, как кажешься поначалу, – похвалил его Брют. – Дело в том, что мне нужен не бывалый бродяга, ветеран Зоны, а сталкер-счастливчик с дьявольским везением...

– К тому же мотивированный, и которого не жалко, – проговорил Лаки и почувствовал, как клокочет, поднимается волна негодования.

– Ты совершенно прав. Знаешь же, что я хозяин своего слова, и я клянусь, что если с тобой что-то случится при исполнении, я отпущу Юлю.

Лаки запрокинул голову, расхохотался; встал, громыхнул стулом, уперся в стол руками и приблизил лицо к лицу недавнего кредитора, а ныне злейшего врага.

– Думаешь, тебе позволено жонглировать чужими судьбами? Всемогушим себя возмнил?!

Брют чуть отодвинулся, сунул руку за пазуху, в кармане что-то щелкнуло. Он достал телефон и принялся кому-то звонить. Лаки, который уже собрался съездить Брюту по наглой роже, обалдел и впал в ступор. Брют протянул ему свой мобильник, встал и на всякий случай отошел за спинку стула:

– Поговори со своей возлюбленной, прежде чем принять решение.

Лаки взял телефон и уставился на него: обычный дешевый аппарат, к тому же кнопочный. Неужели у Брюта не хватает средств, чтоб купить себе нормальный, современный? Когда гудки прервало звонкое «алло», Лаки поднес телефон к уху.

– Кто это? – проговорили Юлькиным голосом.

Лаки оторопел, ощущение было, будто его ударили под дых – ни вдохнуть он не мог, ни выдохнуть, словно тот, кто просматривал его жизнь, нажал на паузу.

– Я слушаю! Сволочи, что вам от меня нужно?!

Когда Юля сорвалась на крик, мысли Лаки понеслись галопом, и он проговорил:

– Юля, девочка моя, это я, Влад...

– Ты? Влад... – она всхлипнула, шмыгнула носом. – Вытащи меня отсюда! Мне маме нужно позвонить, она волнуется, и заказчики ждут... Влад, – снова всхлип. – Я же просила тебя не пить! Если бы ты не напился, ничего бы этого не было! Вытащи меня отсюда!

– Что... Юль? Что они с тобой сделали? Юля?!

Она некоторое время не отвечала, едва слышно плакала. Еще минута, и Лаки убил бы Брюта, задушил бы собственными руками, но Юля прошептала:

– Пока ничего.

– Они тебя...

– Нет! Всего один синяк на запястье. Они говорят, что все зависит от тебя. Сделай, что они хотят! Отдай им деньги!

– Юль, послушай... Все не так просто, им нужны не деньги. Слушай, а если, чтобы помочь тебе, мне придется умереть? Что если им смерть моя нужна?

– Умирать не надо! – вскрикнула она. – Но... Владька... Ну зачем ты пил? Если бы я знала...

Лаки представил, как она уткнулась в ладонь и беззвучно рыдает, а над ней возвышается один из амбалов Брюта. Он опомнился, когда из трубки донеслись прерывистые гудки, набрал последний входящий, но телефон на той стороне линии выключили.

– Оставь трубу себе, девушка иногда будет с тобой связываться. Звонки будут приходить на этот номер. Маячка, прослушивающего устройства в аппарате нет. Не спеши с решением, у тебя есть время до утра, в десять тебе позвонят.

Лаки уставился на древний мобильник как на злейшего врага. Он не видел, как уходил Брют, но слышал его удаляющиеся шаги. «Девушка будет с тобой связываться». Гораздо сложнее убить человека, которого ты называешь по имени – он обретает плоть, характер, чувства, потому Юля для них просто девушка. Лаки сжал виски руками. Что ж поделаешь, сам виноват, никто тебе в рот портвейн не заливал! Знаешь ведь, что планка падает, и зачем пить?

Лаки поклялся себе, что если поможет Юле, то больше ни за что, никогда не выпьет ни капли спиртного. Он с затаенной надеждой еще раз набрал неизвестный номер – «аппарат абонента выключен».

Когда опомнился, еда уже остыла, а за окном стемнело. Ресторан наполнился парочками и компаниями – Лаки будто выпал в общую реальность из своей, замкнутой на одном событии, злобно зыркнул на монобрового музыканта, сажающегося за синтезатор. Поднялся и побрел к выходу. Возле двери вспомнил, что не оплатил заказ, нашел взглядом официанта, но тот не заинтересовался посетителем, решившим сбежать – значит, Брют обо всем позаботился.

Лаки смутно помнил, как доехал до своего дома и припарковался. Переступив порог квартиры, и зайдя в комнату, увидел, что на полу валяется пустая бутылка портвейна. Он схватил ее и с размаху бросил о стену – брызнули в стороны и осыпали пол осколки стекла вперемешку с белой крошкой гипсокартона. Лаки открыл бар и прикончил недопитую бутылку рома, затем – новенькую вискаря. Мир перед его глазами то вспыхивал, то гаснул...

Резкий дверной звонок вырвал Лаки из алкогольной прострации. Оглядевшись, он понял, что сидит на полу, у изножья кровати. В стенах – воронки как после обстрела, зеркало на шкафе-купе разбито, Юлин фикус валяется под окном, с поломанными стеблями и оторванными листьями вперемешку с землей из вазона... Проходя мимо зеркала в прихожей, Лаки отметил, что похож на восставшего мертвеца: глаза красные, на щеке запекшаяся кровь, в волосах – белая крошка. Кранты ремонту, ну и хрен с ним!

За дверью мялся пухлый, розовощекий парень в очочках, типичный «ботаник».

– У вас все в порядке? Вы так шумели, что я подумал...

– Спасибо за заботу, – осклабился Лаки. – Я никого не убил, просто после ссоры с девушкой немного разнес квартиру.

Толстячок хихикнул, протянул руку:

– Сочувствую. Моя бывшая сделала так же: разнесла квартиру. Меня зовут Саша, если тебе грустно и не с кем выпить, то можно ко мне.

– Я зол и не расположен к беседе, – не ответив на рукопожатие, рывкнул Лаки, но увидев, как сосед побледнел и попятился, смягчился: – Может, в следующий раз!

– Тьфу ты, псих! – парень развернулся, чтобы уйти, но Лаки выскочил на лестничную клетку и заорал:

– Страшно, да?! Правильно, бойся!

Очкарик юркнул в соседнюю квартиру и захлопнул дверь, а Лаки со всей дури ударил кулаком о стену и не почувствовал боли.

Вернувшись к себе, он погладил вынырнувшую из кухни Дымку, взял ее на руки и сказал:

– И куда тебя девать? Ты ж помрешь, когда я в Зону уйду. А если не вернусь?

О том, что и Юля может не вернуться, он старался не думать. Если Брют пообещал, значит, так и будет, он не кидала. Будь честен с собой, Лаки: ты знал, с кем связывался? Знал. Знал, что зэки бывшими не бывают? Знал, как и то, что они живут по своим «понятиям» и обижаются, когда кто-то их законы игнорирует.

Он рухнул на кровать, прижал к груди кошку. Та не вырвалась, как обычно, а наоборот – замерла и заурчала.

Ты подставил Юльку, она в беде из-за тебя. И теперь тебе предстоит поход в Зону, где ты можешь погибнуть... Но самое мерзкое то, что тебе предстоит совершить насилие над женщиной после того, как совершили насилие над тобой. Впервые ты пересечешь Периметр не по своей воле.

Он усталился в потолок. Закрались мысли о пистолете, забранном «быками» Брюта, из ящика тумбочки. А что?... Это был бы лучший вариант и для него, и для Яны Кузьмаковой... И Юльку Брют отпустит, значит, так лучше и для нее.

Сразу же вспомнилось кем-то сказанное, что самоубийство – это предательство. Юля просила его не умирать, она любит его, дурака, пусть и злится. А каким ударом его смерть станет для мамы! А сестра, Люська, она ведь пыталась сблизиться с ним, но Лаки всегда отталкивал ее, считая глупой малолеткой. Да, он редко с ними общается, но...

Лаки скривился, встал, отметив, что голова почти не кружится, и потопал делать себе кофе и кормить Дымку. Он принял вызов. Брют совершенно прав: взрослый мужчина тем и отличается от подростка, что должен отвечать за свои слова.

Достав из кармана айфон, набрал номер мамы – только полдесятого, еще не слишком поздно.

– Владька! – воскликнула она. – Привет! У тебя что-то случилось?..

Волнуется, чувствует. Родители всегда чувствуют. Или насторожилась, потому что он слишком редко звонит, и только по делу?

– Нет, просто захотел узнать, все ли у вас хорошо.

– Да?... – в ее голосе прозвучали одновременно и удивление, и радость. – У нас... Ой, нет, вначале про себя расскажи, как ты там, сынок?..

«Мама, я звоню, потому что через несколько дней могу умереть. Прости меня, мама».

– Да нечего особо рассказывать, все нормально у меня. Жив-здоров и счастлив. Просто сон плохой приснился, – солгал он, прислонился к стене и увидел свое отражение в кухонном окне – растрепанный, полупьяный, никчемный неудачник. – Вот и звоню узнать, все ли в порядке.

Мама говорила почти полчаса, обо всем сразу, перескакивая с темы на тему – о вредной директрисе, которая мешает работать и внаглую выписывает себе премии, о Люськином новом кавалере – парне умном и из хорошей семьи. Сестра так в него влюбилась, что остепенилась, увлеклась английским и погрузилась в учебу, в надежде поступить на иняз... Лаки казалось, что у него докрасна раскалились уши, к которым, ежеминутно их чередуя, он прикладывал телефон, но прерывать маму не хотелось – вдруг он слышит ее в последний раз?..

Потом мама вспомнила, что уже поздно, зевнула, попросила звонить почаще, пожелала спокойной ночи и отключилась.

Если бы кому Лаки доверил тайну, так это покойному деду Сергею, родителю отца. Мировой был мужик, в одиночку на медведя ходил, в пятьдесят пять лет тренировал детей, вел секцию бокса. Деда погубила неосторожность: местные наркоманы подкараулили его с пенсией, напали исподтишка и забили до смерти.

Лаки вернулся в комнату и рухнул в постель. Чувствам было тесно, и они рвались на свободу. Он знал, что не уснет, если не даст им воли, потому встал, взял гитару, вернулся в кровать, полулег, опершись спиной на подушки, и ударил по струнам:

Будем друг друга любить,
Завтра нас расстреляют...⁷

Он играл и пел, пока не уснул в обнимку с гитарой.

Разбудил его телефонный звонок. Номер был незнакомым, и спросонья Лаки не сразу узнал Юлькин голос.

– Девочка моя... – проговорил он. – Прости меня, пожалуйста, это моя ошибка, обещаю, что исправлю ее! Я очень тебя люблю!

В ответ донесся ее всхлип, а потом заговорил Брют – велел собираться и назвал адрес в Апрелевке, где Лаки будет ждать доверенное лицо, которое проинструктирует его и обеспечит всем необходимым, включая оружие и полезные арты.

Лаки вскочил с кровати, метнулся в коридор и стащил с антресоли свой рюкзак, в котором покоились спальник, дождевик, аптечка, нож-складень, бинокль, моток веревки, ПДА, контейнер для артефактов. Надел разгрузочный жилет с распаханными по кармашкам старой бумажной картой, спичками, свечкой, солью, катушкой ниток с иголкой, леской и пузырьком спирта для дезинфекции. Положил в рюкзак три пары теплых носков и сменное нижнее белье, отыскал кожаные кеды и тщательно завернул их в целлофановый пакет. Иногда сухая обувь в Зоне может спасти жизнь. Автомат, который хранился в шкафу с двойным дном, он брать не стал, посчитав, что оружием его должен обеспечить Брют.

Выходя из дома, Лаки прихватил гитару. Кошку он оставил соседу Саше, с которым вчера так неудачно познакомился, заплатив ему последние деньги, о которых забыл – те, что нашел в паспорте покойного паренька, Семена Скакуна.

Когда ждал электричку, купил «сникерс», плитку черного шоколада и две банки энергетика – на случай, если придется экстренно восстанавливать силы.

⁷ Песня группы «Наутилус Помпилиус» «Золотое пятно».

Глава 4. И снова здравствуй!

В Зону он теперь ходил через второй КПП, в районе Любаново – там знакомый лейтенант брал за вход вдвое меньше, чем в Апрелевке, в которой Лаки часто бывал семь лет назад, через три года после того, как появилась Зона. Он еще помнил пустыри, где сейчас высились новостройки, да и сам городок очень изменился, облагородился. А тогда Апрелевка была перевалочным пунктом для горячих голов, рвущихся на аномальную территорию. В городе в одночасье буйным цветом зацвели всевозможные отели, забегаловки и притоны с проститутками – ведь всего в пятнадцати километрах Периметр, а за ним – Зона, поглотившая Наро-Фоминск вместе со всеми обитателями.

Говорят, поначалу был конфликт двух реальностей, а после они притерлись друг к другу: большинство аборигенов, то есть людей, которые там жили при возникновении Зоны, пропали без вести, а остальные разбрелись кто куда. Лаки досадовал, что когда происходило самое захватывающее, ему пришла повестка из военкомата и его загребли на флот, где он зубрил устав и драил палубу вместо того, чтобы интересно и с пользой проводить время.

Объявили конечную остановку, и пассажиры устремились к выходу. Лаки закинул рюкзак за спину, взял чехол с гитарой и последовал за ними.

Тучи рассеялись, и солнечный свет резанул по глазам, позолотил окна домов. Улица Февральская – это налево, пройти квартал по серому тротуару, наряженному в разноцветье опавшей листвы, а потом вверх по трассе. Поглощенный лирическим настроением, вдыхая терпкий осенний воздух, Лаки жадно впитывал детали. Для него сейчас окружающий мир был картиной, нарисованной яркими, жирными мазками. Он догадывался, где искать Яну Кузьмакову – Зона не просто так привела его в укрытие, где ночевали Дым, Себр и Кузя. Скорее всего, она и есть та, нужная Брюту, девушка. Остался вопрос, сможет ли Лаки предать неплохого, в общем-то, человека, с которым он сидел за одним столом и делил трапезу? Сможет, должен, ведь из-за него Юлия попала в беду, теперь он обязан искупить вину, и пусть потом совесть обглодает его до костей!

Нужный дом оказался «сталинкой», окруженной березами, под которыми детвора с довольными возгласами резвилась в старательно собранных дворником кучах желтых листьев. Лаки вошел в открытый подъезд, поднялся на второй этаж, нажал кнопку звонка и уставился на доисторическую деревянную дверь с медной цифрой «7». Даже пенсионеры уже поставили себе современные, так называемые бронированные, и если хозяин решил не привлекать внимание к своей квартире, то эффект получился противоположный – потому что возникало желание узнать, что же за птеродактиль за этой дверью обитает...

Заскрежетал ключ в замке и на пороге возник лысый детина лет тридцати с выпученными как у геккона глазами, в растянутых серых спортивных и клетчатой красно-синей рубашке, расходящейся на пивном пузе. Его тонкие губы расплылись в улыбке, и Лаки подумал, что сейчас изо рта этого «ящера» высунется раздвоенный язык.

– А-а-а, это ты... Ну, заходи.

Детина прошаркал тапками по скрипучему паркету в прокуренную кухоньку с допотопной бело-голубой плиткой на стенах и древней газовой плитой. Он рукой смахнул крошки со стола, кивнул на табурет:

– Садись. А на фиг тебе гитара в Зоне?

– Лечиться, – почти не солгал Лаки, оставшись стоять. – Это мой охранный амулет.

– Великоват что-то... – детина достал из верхнего ящика замызганного кухонного шкафчика конверт, протянул Лаки: – Ознакомься.

Ксерокопию паспорта Яны он уже видел, и теперь мысленно попытался наложить фотографию на лицо Кузи – получилось не очень. Но Лаки был уверен, что ему нужна

именно она – слишком много совпадений. Кузя – наверняка сокращенное от Кузьмаковой. Помимо ксерокса в конверте были школьные фотографии девочек-подростков и Янин табель за восьмой класс со всеми пятерками. Как он ни пытался, так и не узнал Яну среди одноклассниц.

– И где тут она? – поинтересовался он.

– Черт ее знает, – дернул плечами детина, встал, и, кряхтя, прогнулся назад в пояснице. – Пошли.

Лаки молча последовал за хозяином в глубь квартиры. Большая, метров двадцать, комната была обставлена в стиле почившего СССР: хрусталь за стеклом полированного серванта, на стене – китчевая картина в псевдозолоченой раме, на которой изображена девочка, глядящая косую, черный бюстик Сталина на старом громоздком телевизоре с выпуклым экраном, закрытом белой, вязанной крючком, салфеткой, узкий диван-книжка и два креслица на ножках.

Детина в три шага одолел расстояние от порога до середины левой стены и отпер ключом дверь в смежную комнату:

– Заходи.

Лаки переступил порог и остолбенел. Да тут оружия на несколько тюремных сроков! Целый арсенал: и старые добрые АК, и дробовики, и пистолеты-пулеметы с подствольниками и без, и снайперки – все стоит у стены «по росту». Ого, а вот и самый настоящий ПТУР!

– Чего пялишься? Бери, что нужно.

– Глаза разбежались, – честно признался Лаки.

Что выбрать? Привычный АК? Каким бы он ни был привычным, все равно к новому стволу надо приноровиться, пристреляться, да и тяжеловат... Он ведь в Зону идет не сражаться с врагами, ему нужна мобильность. Взгляд Лаки остановился на пистолете-пулемете агрессивного вида – Steyr TMP. Лаки давно о таком мечтал, да денег было жалко. Он взял «Штайр» – легче, чем кажется с виду, чуть больше килограмма, отлично лежит в руке и прячется под одеждой. А какие к нему патроны?... Он завертел головой, разглядывая ящики, стоящие вдоль стен.

Лысый детина понял его без слов, распахнул железный сундук, вытащил из него пять коробок, протянул Лаки:

– На вот. И коллиматорный прицел возьми, пригодится. Две гранаты хватит?

Девять на девятнадцать миллиметров «Парабеллум», кто бы сомневался! Правда, потом сложно будет такие найти, но так далеко наперед Лаки пока не думал.

– Мне нужен патронташ на руку, – сказал он и спустя пару секунд получил желаемое.

Лаки снарядил магазин пистолета пятнадцатью патронами, десять распределил в патронташе, четыре коробки положил в рюкзак. Он еще не убил ни одного человека и теперь не собирался, оружие Лаки использовал исключительно против мутантов и был уверен, что с любым человеком можно договориться.

– За гранаты – спасибо. Еще патронов бы, примерно столько же. Сто двадцать пять штук – как-то несерьезно.

Получив желаемое, Лаки уставился на контейнеры с артами, указал пальцем на них:

– Мне бы пару «облегчалок», что-нибудь от ожогов и от «психичек». И таблетки от радиации. – Лаки задумался, что же еще может понадобиться. – А! Сильное снотворное, чтобы человек мгновенно отключился, есть? Ну и жрачку, да побольше.

– Ну, ты и нахал! – воскликнул хозяин с уважением. – Разорить меня вздумал?

Он отыскал нужные Лаки артефакты, пару фольговых блистеров и сунул ему зеленый пузырек с красной крышечкой:

– Эта штука вырубает на раз. Но больше пятидесяти капель – нельзя, можно ласты склеить.

Лаки раскрутил пробку, капнул пару капель на ладонь, понюхал.

– Бесцветное, вкус слабый, чуть сладкий, пахнет травами, – прокомментировал хозяин квартиры.

– То, что нужно, – удовлетворенно кивнул Лаки.

Рассовав арты по контейнерам, Лаки вслед за «гекконом» направился в кухню, где тот распахнул перед ним холодильник:

– Пельмени оставь, остальное бери.

– Ты извини, мужик, но я реально на мели, – сказал Лаки, вытаскивая брусок твердого сыра и ветчину в вакуумной упаковке.

Видимо, хозяин вспомнил голодные студенческие годы, проникся и достал из замызанного шкафчика консервы: кильку в томате, сардины, тунца и две банки тушенки, присокупив к ним полбатона.

– На пару дней должно хватить.

Лаки хотел сказать, что ему этого хватит на неделю, но промолчал, боясь обидеть гостеприимного толстяка.

– Слушай, а с Брютом можно связаться? Вдруг появились подробности моего задания. Хозяин квартиры отрицательно мотнул головой.

– Бред какой-то. А как мне с ним держать связь? Как он узнает, что я справился с заданием, например?

Толстяк хмыкнул и сказал:

– Денег он на тебя не пожалел, поэтому – жди сигнал. Но знай, что на все про все тебе дается пять дней. Если возникнут задержки, сообщишь. Связные находятся на девятом КПП и в баре «Ежи». Если совсем немоготу станет, попроси любого анархиста позвать Сороку, это наш человек.

Насколько Лаки помнил, КПП № 9 был на севере Зоны, а бар «Ежи» – на юге. О сталкере с прозвищем Сорока он слышал впервые.

Лаки подумал, что, скорее всего, ему самостоятельно предстоит найти и захватить Яну-Кузю, а уже потом проявятся люди Брюта. То есть свободы действий у него не будет, и, возможно, придется выполнять чужие приказы. Брют говорил, что отыскать девушку сможет только очень везучий сталкер. Но Лаки знал, что его пруха начала иссякать еще в прошлый поход в Зону, а сейчас вообще со знаком минус.

Он поблагодарил хозяина и направился к выходу из квартиры, но толстяк хлопнул себя ладонью по лбу:

– Важное забыл. Стой!

Он метнулся в комнату и вернулся с медальоном на кожаном шнурке.

– Это ты должен надеть в Зоне и не снимать. Пистолет потеряешь – не страшно, главное, чтоб это было с тобой.

Лаки повертел изделие – розоватый полупрозрачный камень в форме сплюсненной с боков капли, внутри что-то шевелится... Или не шевелится, а это просто чудится? Ощущение было, словно кто-то смотрит на него изнутри кулона. Лаки прищурился, коснулся его подушечкой пальца, ожидая, что он будет теплым, но нет, холодный как льдинка.

– Что это? – спросил он.

– Какой-то арт, – дернул плечом хозяин квартиры. – Брют дал и велел проследить, чтоб ты его надел.

– А если не надену?

– Себе же хуже сделаешь. Он сказал, что от этого камешка зависит благополучный исход твоего задания. Ах, да, тебе же деньги еще полагаются... – он достал из нагрудного кармана рубашки свернутые пополам пятитысячные купюры. – Тридцать пять штук, должно хватить.

Лаки засунул деньги в кармашек разгрузки, завязал шнурок с артефактом на шее, и холодный амулет коснулся кожи. Одной рукой поднял с пола рюкзак – килограммов пятнадцать, вполне терпимо, – второй – гитару. Пистолет топорщился в кобуре под курткой.

Во дворе «сталинки» ждал синий минивэн с тонированными стеклами, толстяк уселся за руль, Лаки занял место позади него, положив гитару и рюкзак рядом на сиденье.

– Я так понял, что за Периметр ты меня проведешь?

– До Периметра, дальше я не хожу, мне жить нравится.

Зарычал мотор, машина тронулась с места. В голове Лаки мысли носились роем вспугнутых мух, он не мог сосредоточиться ни на одной, и ощущал себя отупевшим и беспомощным. За окном мелькали знакомые пейзажи, обещавшие скорые приключения. Его глождало дурное предчувствие. Закрыв глаза, Лаки пытался вспомнить черты лица Яны, но видел лишь смеющуюся Кузю, хрумкающую огурцом.

Значит, так: найти ту троицу, втереться в доверие, выкрасть Кузю и передать людям Брюта. На первый взгляд все просто, но на деле получится иначе, когда подключится человеческий фактор – Лаки боялся, что пожалеет девушку, не сумеет быть твердым.

За два километра до Периметра был КПП, насколько Лаки помнил, № 6, не доезжая до него, они остановились возле двухэтажного мотеля-клоповника между «девяткой» и «Киа Спортейджем», вылезли из машины. Навстречу выбежал невысокий носатый мужичок, кучерявый брюнет с проплешиной на темечке, пожал им обоим руки.

– Привет, я – Изя. Бери манатки и иди за мной, – обратился он к Лаки, который удивленно покосился на толстяка.

– Да, я тебя покидаю, – развел тот руками.

– Что ни час, то сюрприз, – вздохнул Лаки. – Я правильно понял, что дальше мне своим ходом?

– Нет, сейчас за тобой прилетит личный вертолет, – проворчал Изя.

– С блэкджэком и шлюхами, надеюсь? – съерничал Лаки.

Плешивый не отреагировал на шутку, зыркнул исподлобья и спросил:

– А зачем тебе в Зоне гитара?

– Мутантов окультуривать, – буркнул в ответ Лаки.

Изя то ли нервничал – дергался, топтался, крутился и оглядывался, теребил рукав куртки, – то ли от природы был таким суетливым. Отойдя в сторону, он поговорил с кем-то по телефону и, махнув рукой, велел следовать за ним.

Лаки уже давно на личном опыте убедился, что если где-то что-то происходит, значит, это кому-то выгодно, даже если «бенефициар» неочевиден. Когда возникла Зона, военные поначалу никого туда не пускали, огородили аномальную территорию четырехметровой бетонной стеной с натянутой по верху колючей проволокой, построили двадцать три контрольно-пропускных пункта и поставили охрану вдоль всего Периметра. Со временем так называемый «человеческий фактор», то есть раздолбайство вояк и жажда наживы, взяли верх. Зона стала доступной каждому, кто мог заплатить немалые деньги за вход, даже иностранцам. Но после того как стало известно, что группа американцев устроила там импровизированный концлагерь, в котором на живых людях проверяли воздействие артефактов на человеческий организм – всех без исключения заграничных гостей оттуда выгнали со скандалом.

Теперь же, чтобы попасть в Зону и не платить на КПП, особо верткие сталкеры умудрялись рыть подкопы или же перебирались через стену, а большинство пользовались услугами посредников, типа этого Изи.

– Новенький? – подозрительно зыркнув на Лаки, спросил у Изи молодой черноглазый лейтенант на КПП № 6.

Есть такое иррациональное чувство, которое на наркоманском жаргоне называется «попасть на измену» – когда, например, страж порядка со сверлящим взглядом просит предъявить паспорт, а у тебя его нет – кажется, что потолок опускается и вот-вот расплющит тебя в кровавую лепешку на заплеванном полу. Вот и сейчас Лаки думалось, что вояка его обыщет и отберет все ценное, включая консервы. Но нет, лейтенант благосклонно кивнул и приказал следовать за ним. Они подошли к железной решетчатой двери слева от огромных стальных ворот контрольно-пропускного пункта. Два солдатики с той стороны решетки вытянулись и козырнули старшему по званию.

Лаки ощутил едва заметное дуновение на щеке – словно ветер погладил его – и, улыбнувшись, прошептал:

– Ну, здравствуй, Зона-матушка! Надеюсь на твою помощь, больше мне рассчитывать не на кого.

– Ты что-то сказал? – обернувшись, спросил офицер.

Родинка над его правой бровью напоминала муху.

– Поблагодарил за помощь, – сказал Лаки. – Я могу идти?

Лейтенант опять кивнул, развернулся и зашагал прочь, на ходу бросив через плечо:

– Чтобы через пять минут тебя тут не было.

От КПП до темного ельника Лаки шагал по выщербленной асфальтовой трассе, усыпанной опавшими желто-красными листьями придорожных кустов.

Зона – как могучая река, а сталкер – как рыба в водном потоке, он вынужден раскрываться, пропускать Зону сквозь себя и улавливать едва различимые токи, огибать опасности, находить артефакты, предчувствовать выбросы и пережидать их в убежищах. Вне социума, наедине с природой, только здесь можно обрести свободу и понять, кто ты есть на самом деле.

«Не забывай, кто ты, Лаки», – шелестели кусты. Над головой кружил ворон, то скрывался за верхушками деревьев, то появлялся снова. Животные обходили и облетали Зону стороной, все обитающие тут твари были местными и возникли вместе с Зоной.

А вот как она появилась, мнения расходились. Кто-то думал, что Зона – результат жизнедеятельности другой цивилизации, другие были уверены, что эта территория – плод эксперимента с временем-пространством, создание какого-то безумного гения. А некоторые утверждали, что человек тут вообще ни при чем – это другое измерение начало прорастать в наше, причем растет оно импульсно, и есть опасность, что со временем Зона будет увеличиваться и, в конце концов, поглотит всю Землю.

Лаки верил Зоне, играл по ее правилам, но теперь чувствовал – что-то неуловимо изменилось. Он больше не ощущал себя частью Зоны, она словно отгородилась от него. Или это плод разыгравшегося воображения?..

Вперед полетела первая гайка с оранжевым хвостом, Лаки пошел к ней, поднял, покрутил в пальцах. Так, довольно лирики! Думай, где ты будешь искать Кузю, а для начала определись, где ты находишься.

На ПДА Лаки обозначался зеленой точкой, жирная линия дороги обрывалась пунктиром и терялась среди болот. С Дымом, Себром и Кузей Лаки расстался в десяти километрах отсюда, в районе КПП № 8. Куда они направились дальше? Надо было поинтересоваться, эх! Где их теперь искать? Думай, голова. Куда чаще всего ходят за артами в том районе? Элеватор? Или ребята просто по лесу будут лазать? А если они уже вышли за Периметр? Как бы то ни было, в Зоне можно месяцами кружить рядом друг с другом, но так и не встретиться.

Лаки скрипнул зубами, сжал кулаки. Нет, сдаваться рано. От тебя зависит жизнь Юли... Странно, но раньше, уходя в Зону, он нес в голове образ любимой девушки, как икону, а сейчас думать о ней было больно, хоть вой. Надо было взять с собой ее фотографию, чтоб смотреть и черпать силы, когда опустятся руки.

Представились огромные песочные часы высотой с двухэтажный дом – их верхняя часть была еще полной, но золотистая струйка неумолимо стекала в нижнюю чашу. Пять дней – это слишком мало для поисков. Найти человека в Зоне сложнее, чем иголку в стогу сена: быстро не походишь, не поспрашиваешь... Или все-таки в «поспрашиваешь» есть смысл? Группа наверняка с кем-то сталкивалась, где-то ночевала, в окрестностях есть перевалочные базы, и если повезет, то команда Дыма там наследила.

Так и надо сделать, заодно станет ясно, отвернулась удача или нет, а пока – открыться Зоне, превратиться в слух и зрение. Нельзя расслабляться, отвлекаться и доверяться разуму – в Зоне дольше живет тот, у кого развита интуиция.

* * *

Перевалочная база «БарСучка» находилась на поляне между сосняком и малинником в пяти километрах от Периметра и недалеко от того места, где Лаки расстался с Дымом и его компанией. Предприимчивый хозяин по прозвищу Нос расположил над бетонным убежищем приземистую одноэтажную постройку из досок, напоминающую барак. Тут было четыре комнаты, баня, бар, где работала известная нимфоманка Люда – и официанткой, и поваром, и медсестрой, и дамой легкого поведения.

Лаки распахнул деревянную дверь и переступил порог, кивнул пышногрудой рыжей Людмиле с алыми губами и жирными стрелками на веках, подумав, что даже в пенсионном возрасте вряд ли смог бы прельститься такой женщиной. Люда, наполняющая кружки пенным пивом, крикнула:

– Привет, Счастливчик! Пришел поделиться везением?

– С радостью бы, но оно даже половым путем не передается, – откликнулся Лаки, и два бородатых сталкера за столиком у окна загоготали.

– Лаки! – донесся знакомый голос одного из них. – Иди к нам! Столько лет не виделись!

Лаки прищурился, пытаясь опознать бородача, и мысленно обругал моду на бороды – теперь любой «ботаник» с радостью перевоплощается в брутального мачо. Вот и сейчас непонятно, кто перед тобой, наверняка этот обросший до неузнаваемости товарищ совсем недавно был другим. Его настороженного узколицего напарника с жидкой козлиной бороденкой Лаки точно не встречал раньше.

– Это ж я, Шнырь!

Все что выдавил из себя Лаки, это «Ого!», плюхнулся на свободный стул, обвел взглядом помещение. Помимо Шныря и козлобородого, в зале присутствовала неразлучная парочка – Бацилла и здоровяк Биться Сердце. Коренастый Бацилла, получивший прозвище за хронический насморк, раньше занимался тяжелой атлетикой, а потом завязал со спортом и слегка обрюзг. Биться Сердце – огромный, плечистый, с намечающимся животиком и пористым сизым носом пожилой мужик, с голосом громким, как гудок паровоза, и с неизменным «и биться сердце перестало» вместо любого крепкого слова.

Биться Сердце – находка для шпиона, впрочем, словоохотливый Шнырь – тоже. Одежда у них грязная, глаза усталые, значит, недавно вернулись из ходки, расслабляются, и разговорить их будет проще простого, достаточно поставить на стол бутылку водки.

– Ну ты заматерел, – сказал Лаки Шнырю и обменялся рукопожатиями с ним и козлобородым.

– Кислый, – представился тот.

– Как хабар? – сразу перешел к делу Лаки.

Кислый махнул рукой и скривился. Шнырь шумно вздохнул.

– А мне в прошлый раз повезло – «глушак» нашел.

– Кто бы сомневался, – буркнул Кислый.

– Уже отчаялся, в цивил сваливать собирался, представляете? И тут на тебе!

– Давай, мы с тобой в Зону пойдем, – прогудел Биться Сердце из-за соседнего столика. – Авось повезет.

– В этот раз – нет, я не за хабаром иду, – честно признался Лаки. – Вляпался в неприятную историю, так что лучше не завидуйте и не спрашивайте. Может, и не вернусь уже. Люда! Принеси нам литр водки и мяса к ней, свининки копченой. И сала с чесноком.

– Уже бегу! – воодушевилась Людмила.

Биться Сердце с Бациллой подсели за их стол, и Лаки разлил водку по рюмкам. Выпили за везение, за здоровье родителей, за милость Зоны... Утомленные сталкеры раскрепостились, и беседа потекла сама собой. Говорили обо всем на свете – о женщинах, аномалиях, хабаре, кому лучше продавать добытое и кто «кидает». Они так воодушевились, что даже не заметили, что Лаки подносил к губам рюмку, но лишь пригубливал, не пил.

Поход Шныря и Кислого был унылым – «И рассказать нечего», – зато Биться Сердце Лаки порадовал:

– Я хотел к лесопилке пойти, но не дали.

– В смысле? – вытянул шею Кислый.

– Хрень там какая-то. Туман непонятный. А из него вдруг черт вылез, я ствол вскинул, стрелять собрался... Думал, норушник, а он как заговорит человеческим голосом! Присмотрелся я – и биться сердце перестало! Паренек, но чудной какой-то – худющий, черный, лохмы стремные...

Лаки бросило в жар.

– С дрэдами и бородкой? – спросил он хрипло.

– Ага. Потом из тумана вышла девка и посоветовала убираться. Грит, они этот туман три дня ловили, а теперь тут будет какой-то шторм. Я решил не рисковать, ушел не солоно хлебавши.

– Ну и дурак, – оценил его поступок Кислый. – Чё-то шторма я не заметил, обманули тебя.

– Это вряд ли, – прогудел Биться Сердце. – Девчонку эту я лишь пару раз раньше видел, а вот с мужиком ее, Дымом – уже год как пересекаемся часто, и однажды он мне сильно помог. Толковый сталкер, конкретный, всегда слово держит и в пустозвонстве замечен не был. Если сказал, что там опасно, значит, так и есть.

Ладони Лаки взмокли, от волнения он чуть не осушил рюмку. Значит, Кузя здесь неподалеку. Это хорошо, но плохо то, что она со всей командой, и выкрасть ее не получится, если не убивать попутчиков, а этого Лаки делать не станет, он не убийца. И наводить на ребят людей Брюта он не будет. Если все получится, то с Зоной Лаки придется распрощаться – здесь не любят шакалов, и всем плевать, по своему желанию ты совершил подлость или тебя вынудили.

Сам виноват, за свои слова и действия надо отвечать, не хочешь отвечать, придется платить. Не согласен деньгами – заплатишь кровью. Ситуация хоть в петлю лезь.

Он включил ПДА, открыл карту и обратился к Биться Сердце:

– Поставь метку, где именно ты встретил этих людей, я кое-что им задолжал, хочу вернуть.

Биться Сердце понимающе кивнул, склонился над ПДА, поставил метку и вернул прибор Лаки, не задавая вопросов.

– Вот, видишь? Возле заболоченных дач. Неприятное место. Что-то дрянное есть в том тумане, так что ты осторожнее там.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.